

АНАТОЛИЙ РОМОВ

ТЕНЬ
ЧУЖАКА

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Анатолий Сергеевич Ромов

Тень чужака

**Серия «Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35235588
Тень чужака. Роман: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-9524-5302-9*

Аннотация

В ФБР поступает информация, что русская мафия планирует переброску контрабандной партии золота из Аляски в Панаму. Операция по захвату преступников с треском проваливается: заранее предупрежденные бандиты переправляют груз вглубь территории Аляски. На поиск похищенного золота направляется русский эмигрант, полисмен Шутов.

Содержание

Тень чужака	5
Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	70
Глава 7	78
Глава 8	83
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анатолий Сергеевич Ромов

Тень чужака

Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Ромов А. С., 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

Тень чужака

Роман

Глава 1

В общественном туалете международного аэропорта Фэрбенкс сейчас было пусто и тихо, пахло мыльной жидкостью и испарениями дешевого озонатора. Над расположенными напротив кабин тремя умывальниками тянулось длинное зеркало; стены по обеим сторонам зеркала, равно как и двери кабин, были испещрены всевозможными граффити. По части языка у Шутова не было никаких проблем, поскольку в Штаты он перебрался около восьми лет назад, но смысл большинства надписей, выполненных на местном сленге, он так и не понял.

Снаружи, за дверью туалета, раздались шаги. Звук шагов был спокойным, размеренным, тем не менее Дик Байер, прижавшись спиной к стене, бросил на Шутова взгляд, понятный только им двоим. Этот взгляд означал примерно: «Что, если это по нашу душу?» Шутов покачал головой: «Вряд ли».

Из-за поддетого под куртку бронежилета Байер, темноволосяй, голубоглазый, с несколько приплюснутым носом, вы-

глядел сейчас плотнее, чем обычно. Звук шагов, достигший своего пика у самой двери, вскоре стал удаляться и постепенно стих. Шутов, видевший себя в зеркале, отметил облегчение, отразившееся на собственном лице. Здесь, в туалете, кроме них находился сейчас лейтенант командос Боб Бартенс. До того как перейти в командос, Бартенс работал в полицейской службе аэропорта и именно поэтому был подключен к операции. Смуглый и раскосый Бартенс был, как заранее разъяснил Шутову Байер, индейцем из племени атабасков. Судя по выражению лица, Боб был занят сейчас мыслями о деле, и только о деле. Он стоял, держась за ручку входной двери, и, похоже, тоже был обеспокоен услышанными шагами. Сказал, как только шаги стихли:

– Мистер Байер, может, вы все-таки раскроете, что мы будем брать?

– Конечно, Боб. Мы будем брать чемодан.

– Чемодан? – Бартенс наверняка испытывал сейчас нечто схожее с удивлением. Тем не менее он не позволил дрогнуть ни одному мускулу на своем лице. – Пятьдесят человек командос будут брать один чемодан?

– Да, Боб, да. Пятьдесят человек командос будут брать один чемодан. Но лишь при одном условии: если их участие потребуется. Твои ребята нужны для подстраховки. Брать же этот чемодан будем мы вдвоем. Я и... – Дик взглянул на Шутова. – И Майк.

– Понятно. – Боб стоял, бесстрастно разглядывая таблич-

ку, сообщавшую, что использованные салфетки для вытирания рук следует бросать в специальное ведро. – Как он выглядит, этот чемодан? Мои ребята должны это знать.

– Он большой. Кожаный, коричневый. С двумя красными поперечными полосами. Весит около пятисот фунтов.

– О'кей. – Бартенс не изменил позы. Бесстрастное выражение его лица будто говорило: он не видит ничего удивительного в том, что чемодан может весить пятьсот фунтов.

Байер посмотрел на часы. Привычным движением сунул руку под куртку, проверяя автомат. Сказал негромко:

– До вылета ровно час. Пошли.

Бартенс открыл дверь, и они вышли. Атабаск шел первым, Байер двигался за ним, Шутов замыкал шествие. Они шли по длинному, сейчас пустому коридору, в конце которого виднелась дверь. Каждый их шаг и каждое движение были рассчитаны, они заучили наизусть весь путь по зданию аэропорта и взлетной полосе накануне – по карте и на макетах. Они знали: конечная цель их движения, «боинг» компании «Дельта», вылетающий через час в Панаму с промежуточной посадкой в Гонолулу, стоит сейчас у терминала, готовясь принять пассажиров. В чемодане, о котором Байер только что сообщил Бартенсу, находилось, как им, то есть Байеру и Шутову, удалось установить после многомесячной работы, пятьсот с лишним фунтов червонного золота в слитках. Сейчас, по их расчетам, чемодан должен был находиться в первом буфетном отделении «боинга», недалеко от кабины

пилотов, спрятанный под стойкой с прохладительными напитками. Золото посылалось русской мафией, орудовавшей на Аляске, в Панаму. Туда же, в Панаму, переводились из шведских банков наркодоллары, на которые наркодельцы готовы были скупать золотые слитки без всяких ограничений. Эти операции были одинаково выгодны как русским, переправлявшим в Панаму золото, нелегально добытое в Сибири и на Аляске, так и сицилийцам и колумбийцам, на чьи доллары это золото покупалось. Реализовав затем это золото через ювелирные магазины Центральной Америки, наркодельцы могли считать доллары отмытыми. Русские же, заработав очередной крупный куш, могли со спокойной душой готовить к отправке в Центральную Америку новую партию золота. Таким образом, конвейер – наркотики, поступающие в Штаты, наркодоллары, оседающие в Швейцарии, золото, помогающее отмывать эти наркодоллары в Центральной Америке, – работал безостановочно.

В последние годы на первые роли в управлении этим конвейером стали выходить русские. Поскольку Байер и Шутов уже около года занимались русской частью системы, сейчас, выйдя на чемодан, они были близки к тому, чтобы накрыть всю цепь. Если им удастся прижать экипаж «боинга», давно подозреваемый в связях с русской мафией, у Нью-Йоркского управления по борьбе с наркотиками появится официальный повод для ареста неуязвимых до этого главарей, стоящих на самом верху.

Шаги Бартенса, Байера и Шутова в пустом коридоре из-за специальной обуви были сейчас практически бесшумными. На каждом из них был бронежилет, руки были готовы выхватить из-под курток автоматы «узи». Шутов доверял только Байеру, а Байер – только ему, Шутову. Может быть, Байер доверял еще и Бартенсу, которого давно знал и которому именно поэтому сообщил о чемодане. И то лишь о чемодане, но не о золоте. До сих пор никто во всем Фэрбенксе понятия не имел, зачем сюда прибыли фэбээровец Байер и полицейский Шутов. Официально об их появлении здесь были извещены лишь начальник полиции и суперинтендент аэропорта. Да и то им было известно лишь одно: оба вновь прибывших наделены чрезвычайными полномочиями. И только.

Подойдя к двери, ведущей из коридора еще в один коридор, который, насколько помнил Шутов, выводил к лифтам, Бартенс взялся за выполненную в виде золотого шара ручку. Легко толкнул ее. Однако вместо того, чтобы тут же открыться, створка не поддавалась. Бартенс, повернув шар до отказа, нажал сильнее. Тщетно. Все трое переглянулись. То, что кому-то в аэропорту придет в голову именно сейчас, в одиннадцать утра, точно в самом начале операции, запереть именно эту дверь, было абсолютно исключено.

Еще несколько раз нажав на ручку, Бартенс сказал раздраженно: «Черт». Байер, отодвинувшись, достал «узи». Встал рядом с дверью спиной к стене. То же самое автоматически сделал Шутов. Бартенс вопросительно посмотрел на Байера.

Тот сказал:

– Постучи в двери. Позови кого-нибудь. Если никто не отзовется – выбьем дверь.

– Понял. – Бартенс несколько раз стукнул в дверь, крича изо всех сил: – Эй! Эй, черт вас всех раздери! Есть там кто-нибудь? Откройте! Откройте сейчас же!

Прошло около пятнадцати секунд, сопровождаемых стуками в дверь и криками Бартенса. Наконец послышались шаги. Кто-то, остановившись за дверью, спросил:

– Эй, кто там разоряется?

Голос был мужским, низким, с характерным местным акцентом.

– Простите, сэр. – Бартенс тут же смягчил голос. – Не знаю, кто вы, но я не могу выйти из туалета. Может быть, вы откроете дверь? Или позовете сюда того, кто ее закрыл? Я опаздываю на самолет.

– На какой самолет?

Бартенс посмотрел на Дика. Тот стоял, подняв «узи» и беззвучно шевеля губами. Было ясно: он выдавливая из себя ругательства. Наконец отрицательно затряс головой, что означало: отвечать на этот вопрос не следует.

– Сэр... – Бартенс вздохнул. – Я прошу вас сделать что-то, чтобы я мог выйти отсюда. Мой самолет здесь ни при чем.

– Вам придется потерпеть, сэр. Я служащий полиции аэропорта. В настоящее время в аэропорту проводится операция. Двери перекрыты по указанию начальства.

Байер продолжал беззвучно выдавливать ругательства.

– Что за чушь? – Бартенс повысил голос. – Какая еще операция? Откройте дверь, черт вас возьми! Или назовите свое имя, чтобы я мог пожаловаться вашему начальству! Как вас зовут?

– Не хотел бы вас обидеть, но сначала я хотел бы узнать ваше имя. Может быть, вы как раз тот, против которого проводится операция.

– О, черт... – Бартенс посмотрел на Байера. Назвать себя он не мог, поскольку служащий полиции аэропорта или тот, кто выдает себя за него, не должен знать, что в операции участвуют командос. Поймав взгляд Бартенса, Байер ткнул себя в грудь большим пальцем: «Назовись мной». Бартенс поднял брови: «Ты уверен?» Дик мотнул головой, что означало: «Не медли, время уходит».

– О'кей, – сказал Бартенс. – Так вот, слушай меня, коп. Я инспектор ФБР с особыми полномочиями. Командированный сюда, к вам, в ваш чертов Фэрбенкс. Тебе достаточно?

– О... Сэр, простите... Я понятия не имел, что вы из ФБР... Но все же... – Говоривший замолчал. – Простите, сэр... Фэрбенкс – городок маленький... О том, что к нам прислали федов, я бы наверняка знал... Мне придется связаться по рации с начальством... Уж простите... Вам придется подождать. Извините, сэр. Я вызываю начальство.

Шутов посмотрел на Байера. Тот, на секунду подняв глаза вверх, покачал головой. Означало это примерно следующее:

«Не важно как и почему, вся наша конспирация полетела к чертовой бабушке. И вообще, дело плохо».

Шутов придерживался такого же мнения. Им было отлично слышно, как человек, назвавшийся полицейским, переговаривается с кем-то по рации.

– Да, сэр... – доносилось из-за двери. – Это Поппинс, сэр... Какой-то человек требует, чтобы я открыл дверь, ведущую к нижнему туалету... Говорит, из ФБР... Нет еще, сэр... Хорошо... Сейчас спрошу...

За это время Байер беззвучно, одними губами, успел спросить у Бартенса, есть ли среди полицейских аэропорта Поппинс; сразу же уловив суть вопроса, атабаск кивнул: есть.

Наконец из-за двери донеслось:

– Простите, сэр. Мой начальник просит вас назвать свое имя.

Бартенс на всякий случай взглянул на Байера, тот еще раз ткнул себя пальцем в грудь: «Назовись мной».

– О'кей, братишка, – сказал Бартенс. – Меня зовут Дик Байер.

– Дик Байер?

– Точно. Дик Байер.

Теперь они, все трое, ждали реакции Поппинса.

Тот, судя по интонациям, снова обратился к начальству:

– Сэр, он говорит, его зовут Дик Байер... Да, сэр... Да, уверен... Ага... Ага... Хорошо, сэр... Да, согласен с вами... Лучше открыть...

В ту же секунду Байер сделал движение, чтобы оттолкнуть Бартенса от двери. Но не успел. Раздался треск автоматной очереди. Пули, пущенные на уровне головы Бартен-са, прошли обе створки от края до края. Сразу же стало ясно: Бартенса задело. Ткнувшись лбом в дверь, атабаск, оставляя кровавый след на светлой поверхности, медленно сполз вниз. Он лежал чуть повернувшись, так, что было хорошо видно: одна из пуль попала ему точно в глаз.

Несколько мгновений в воздухе стояла тишина. Наконец, судя по негромкому звуку, человек, стоящий за дверью, осторожно вставил ключ в замочную скважину. Байер показал: «Бьем по ногам».

Их «узи» заработали почти одновременно. Судя по вскрику с той стороны, стреляли они не зря. Послышался звук сползающего на пол тела. Затем, уже снизу, раздался хрип, закончившийся неясным бульканьем. По знаку Байера они с одного удара выбили ногами дверь. Осторожно отодвинув застрявшие створки, проскользнули в коридор. После этого стало ясно, что удерживало створки: на полу, сжимая откинутой в сторону рукой автомат «узи», лежал человек в полицейской форме. Вокруг стояла тишина; открывшийся за дверью второй коридор и площадка возле лифтов были пусты.

Человек не подавал признаков жизни. У обшлага черной форменной куртки была прикреплена рация. Пригнувшись, Байер тщательно изучил ее. Он делал это затаив дыхание, так, как осматривают редчайшую фарфоровую вазу.

Лишь убедившись, что рация выключена, облегченно вздохнул. Снял ее и спрятал в карман. Затем они вместе перевернули и ощупали убитого. Убедившись, что на нем бронежилет, осмотрели карманы. В них ничего не было. Изучили раны; большинство пуль попали в ноги, но три, скорее всего, после того, как «полицейский» упал, прошли шею. Наверняка именно они и стали решающими.

Оставив «полицейского», они перешли к Бартенсу. Сомневаться в том, что индеец мертв, причем умер мгновенно, не приходилось. Пуля, попавшая в глаз и вышедшая в затылочной части головы, была единственной.

Достав из кармана носовой платок, Байер осторожно развернул его и накрыл лицо атабаска. Перекрестился по католическому обычаю. Шутов положил на себя православный крест. Помолчав несколько секунд, Байер сказал:

– Я идиот. Надо было сообразить, что к чему, раньше. Я хотел его оттолкнуть. Но не успел.

– Я еще больший идиот. Я ведь сообразил, в чем дело, еще позже. – Может быть, чемодан они еще и возьмут, подумал Шутов. То есть они его наверняка возьмут, потому что из самолета чемодан с двумя центнерами золота никуда деться не может. Если же кто-то и попытается его взять, далеко не уйдет: в состав экипажа под видом стюардессы они ввели своего агента, Стеллу. Стелла снабжена идеально замаскированной микрорацией; если случится что-то непредвиденное, она тут же даст им знать. Причем сделает это так, что никто

ничего не заметит. А поскольку территория аэропорта окружена взводом коммандос, ускользнуть оттуда не сможет никто – тем более с тяжеленным чемоданом. Но вся соль плана была в неожиданности. Теперь же, после того, что только что произошло, говорить о неожиданности смешно.

Шутов посмотрел на часы. С момента, когда они вышли из туалета, прошло чуть больше пяти минут. Посадка, во время которой они должны, по плану, соединиться с потоком пассажиров, начнется минут через пятнадцать. Осознав это, сказал:

– Будь оно все проклято.

– Ладно, Майк. Запомни телефон и имя. Барри Редворт.

– Барри Редворт?

– Да. Это наш резидент здесь, в Фэрбенксе. Раскрывать его я не имею права никому, даже тебе, хотя ты и полицейский. Но сейчас тот случай, когда на правило можно наплевать. Телефон Редворта в Фэрбенксе двадцать пять – сто тринадцать. В непосредственный контакт с Редвортом ты входить не будешь. Этот телефон я даю лишь по одной причине: ты сошлешься на Редворта, когда речь пойдет о трупах. Этого и моем.

– Твоем?

– Да. Я ведь убит. Разве ты не слышал очереди?

Посмотрев Байеру в глаза, Шутов кивнул:

– О'кей, Дик. Я все понял.

– В том, что я убит, должны быть убеждены все. Не толь-

ко те, но и наши. Все до одного, ясно? Марву, заместителю Бартенса, скажешь по рации: вы с Бартенсом стояли отдельно от меня. Услышав перестрелку у туалета, пошли туда. Обнаружили два трупа: мой и этого. Запомни, трупов было только два. Если ты сам не скажешь, Марв о Бартенсе не спросит. Но если вдруг заикнется, скажи: с Бартенсом все в порядке. Дай также Марву понять: о трупах, моем и этого, пусть не думает. Скажи, трупами займется Бартенс вместе с нашими людьми. Какими «нашими», не уточняй. Потом, когда начальство спросит, к примеру, куда делись трупы, – сошлешься на Редворта. Попроси Марва дать тебе одного из командос. Они все в штатском. Пойдешь на самолет с ним. Будешь действовать так же, как действовал бы со мной. Наш план не меняется. Понимаю, экипаж давно уже нас ждет. Но мы в этом не виноваты.

– А кто виноват?

– Пока не знаю. Откуда-то просачивается информация. Может быть, из самой сердцевины.

– Это уж точно.

– Ладно. Помоги втащить трупы в лифт. Бери этого. А я возьму Боба.

Взяв трупы под мышки, они в конце концов втащили их в одну из кабин. Байер нажал кнопку верхнего этажа.

Лифт пополз вверх. Обдумав все, что только что случилось, Шутов спросил:

– Дик, ты ведь исчезаешь с концами?

– Да. – Байер дотронулся кулаком до плеча Шутова. Лифт остановился. – Все, Майк, чао. Забудь обо мне и действуй. Я тебя найду.

Кивнув, Шутов вышел на площадку. Двери лифта закрылись; судя по звуку, кабина пошла вниз. Для того чтобы сориентироваться, ему хватило нескольких секунд; он находился на площадке, с одной стороны которой располагались лифты, с другой – двери, ведущие в подсобное помещение. Третью сторону перекрывали двери, ведущие к лестницам, четвертая представляла собой огромное окно. За этим окном, находящимся примерно на восьмиметровой высоте, была видна часть аэропорта с расположенными на ней самолетами, машинами и служащими в оранжевых комбинезонах. Терминала и стоящего возле него «боинга» видно не было. Небо, несмотря на середину июня, было обложено тучами. Впрочем, для вылета «боинга» такая погода опасности не представляла, да и для Аляски она была обычной.

Достав рацию, Шутов нажал кнопку вызова Стеллы. Сигнал должен был прозвучать из микрофона, вмонтированного в сережку стюардессы; этот вызов не услышал бы даже человек, стоящий с ней рядом.

Стелла отозвалась примерно через полминуты; голос стюардессы показался ему приглушенным.

– Хелло?

– Как дела?

– Все в порядке...

– Ты не одна?

– Одна. Просто я в буфетной. Сюда могут войти.

– У тебя в самом деле все чисто?

– Ну... да. Правда... одна девочка почувствовала себя плохо.

– Одна девочка?

– Да. Стюардесса. Упала в обморок.

– В обморок? Что с ней?

– Как будто в положении.

То, что одна из стюардесс упала в обморок именно сейчас, когда он собирался пройти на борт, могло быть и простым совпадением. Но могло иметь и какое-то другое значение – ему пока не ясное. Подумав об этом, он спросил:

– Может, она прикидываться?

– Не знаю... Вроде бы она уже говорила... что в положении...

– Что с объектом? – «Объектом» они называли чемодан.

– Без изменений.

– Уверена?

– Я стою возле него.

– Ладно. Сейчас посадка, помнишь?

– Помню. Пока все нормально. Вокруг спокойно.

– Отлично. Связь заканчиваем. Если что, сразу же вызывай меня.

– Хорошо.

Закончив разговор со Стеллой, вызвал заместителя Бар-

тенса Марва, который с двумя командос должен был сейчас находиться на втором этаже, у двери, ведущей в посадочный коллектор. Марв отвечал за оцепление, Бартенс же, по идее, как главный, должен был заниматься общим руководством.

– На связи, – сказал Марв.

– Что у вас?

– А у вас?

– У нас... – Шутов замолчал. Частота для связи с командос была обычной, на ней велась общая связь полиции города. Их разговор с Марвом могли услышать посторонние. Но Шутову сейчас это было на руку.

– Только что где-то стреляли, – сказал Марв. – Где-то около вас. Не слышал?

– Слышал. И видел. Убили Дика.

– Дика? – Марв помолчал. – Ты имеешь в виду Дика Байера?

– Точно.

– И... как все получилось?

– Мы с Бартенсом стояли на первом этаже, Байер – в цокольном, в туалете. Мы ждали, что он вот-вот поднимется. Услышали перестрелку. На вызов Дик не отозвался. Спустились с Бартенсом на цокольный этаж. Ну и увидели два трупа. Возле двери, ведущей из коридора. Один из убитых – неизвестный, в полицейской форме, без документов. Второй Дик.

– Черт... Что – они друг друга?

– Похоже. Вот что, Марв: ничего не меняется. Во-первых, усиль оцепление.

– Его нечего усиливать. Оно и так надежное.

– Очень хорошо. Тогда так: с тобой ведь сейчас двое?

– Двое.

– Надежные ребята?

– Майк... о чем ты? Ненадежных у нас не бывает.

– Отлично. Подготовь одного. Он заменит Дика. На самолет я пройду с ним. Понял?

– Конечно. Считай, он уже готов.

– Вы ведь все в штатском?

– Конечно.

– Тогда ждите. Сейчас Бартенс и еще пара наших людей, ты их не знаешь, займутся трупами. А я подойду. Понял?

– Конечно. Мы готовы. Когда подойдешь к двери, кашляни.

– Договорились.

Выключив рацию, Шутов вызвал свободный лифт. Войдя, нажал кнопку второго этажа. Пока кабина ползла вниз, осмотрел себя в зеркало: сейчас ему предстояло, во-первых, пройти через заполненный людьми зал ожидания, во-вторых, слиться на время с пассажирами, садящимися в «боинг». Осмотром он остался удовлетворен, внешность у него была вполне неприметная: сероглазый шатен чуть выше среднего роста, худощавый, выглядевший чуть старше тридцати.

Выйдя из лифта, пересек оживленный зал. Пока он шел, ни один из находившихся в зале людей не обратил на него внимания. Впрочем, для него сейчас это уже не имело значения. Открыв дверь с надписью «Для персонала», поднялся вверх на два пролета. Остановился перед небольшой дверцей без надписи, которая, по идее, должна была быть запор-та. Лестничный пролет был пуст, но для верности он постоял несколько секунд, прислушиваясь. Наконец издал условный сигнал, легкое покашливание; дверь открылась; проскользнув в щель, он увидел Марва и двух его ребят. Армейцы стояли в небольшом тамбуре, снабженном окном. Вторая дверь из тамбура вела в коридор, по которому пассажиры проходили на борт самолета.

Все трое были типичными коммандос: высокими, с накачанными шеями, короткой стрижкой и характерным, будто постоянно прицеливающимся во что-то взглядом. Двое, включая Марва, были белыми, третий – черным.

Марв, блондин настолько светлый, что трудно было понять, блондин он или альбинос, спросил:

– Черт, как же случилось с Диком? Кто вообще это?

– Знал бы, сказал. Кого ты мне выделил?

– Фрэнка. – Марв кивнул на второго белого, загорелого парня, левую щеку которого пересекал светлый шрам. – Как, подойдет?

Шутов мельком оглядел Фрэнка. Парень был одет в джинсы и застегнутую под самое горло зеленую брезентовую курт-

ку; если не знать, что к чему, можно было бы даже подумать, что под курткой нет ни бронежилета, ни автомата.

– Подойдет. Знаешь, Фрэнк, дела такие: сейчас мы с тобой пройдем на борт, смешавшись с пассажирами. Остальное объясню уже там, по ходу дела. Марв, что там с посадкой?

– Все так же. Отложена на двадцать минут.

То, что посадка отложена, было для Шутова неожиданно. Помолчав, он сказал:

– Отложена? То есть как отложена?

– Так. Разве ты не слышал?

– Нет. Когда это объявили?

– Только что.

Значит, объявление прозвучало, когда он поднимался по лестнице.

– По какой причине?

– Я связался с диспетчерской. Они говорят: что-то случилось со стюардессой. Потеряла сознание, ей срочно нужна помощь.

– С какой стюардессой, не выяснил?

– С какой? – Мавр помолчал. – Да нет. Что, надо было выяснить?

– Надо. Но теперь уже все равно. Она что, рожает?

– Не знаю. Ее только что увезли на «скорой».

– Ты предпринял какие-нибудь меры?

– Конечно. При выезде с территории аэропорта эту «ско-

рую» останоят. Проверят документы, осмотрят. И только после этого пропустят.

Подумав, Шутов сказал:

– Мало.

– Мало?

– Да. Но, наверное, эта «скорая» уже проехала?

– Нет еще. Пит доложил бы мне.

– Отлично. Свяжись со своим Питом прямо сейчас. И скажи, пусть пошлет вслед за этой «скорой» джип с двумя ребятами. Они должны проверить, в самом ли деле эту стюардессу повезут в больницу.

– О'кей. – Марв включил рацию. Сказал в микрофон: – Пит, слышишь меня?

– Слышу, – донеслось из динамика.

– Что там со «скорой помощью»? Она уже возникла?

– Нет еще.

– Сделаешь так: после осмотра и проверки проводи ее до самой больницы. На втором джипе. Понял?

– Понял. Только проводить, и все?

– Нет. Скажи ребятам, пусть проверят, в самом ли деле пострадавшую поместят в больницу. Пусть пройдут вместе с носилками до самой палаты. О'кей?

– О'кей. Все?

– Все. – Марв выключил рацию. – Надеюсь, ты все слышал?

Прислушавшись к себе, Шутов понял: все это начинает

ему очень и очень не нравится. Надо срочно связываться со Стеллой.

– Вы видели «скорую»?

– Видели. – Марв кивнул в сторону окна; за ним открывался участок летного поля, заканчивающийся видневшимся с краю хвостом «боинга». – Машина проехала сначала туда, потом обратно. Обратно только что.

– О'кей. – Достав рацию, Шутов нажал кнопку вызова Стеллы. – Свяжусь с одним своим человеком. Подождите.

– Как скажешь. Нам все равно.

Шутов прижал рацию к уху. Вообще-то Стелла никогда не отзывалась сразу, что было понятно: ей ведь нужно было остаться одной. Как правило, ее ответ следовал примерно через десять-пятнадцать секунд, самое большее – через полминуты. Шутов посмотрел на часы. По ним с момента, когда он нажал кнопку, прошло около двух минут, но Стелла до сих пор молчала. Нет, здесь явно было что-то не то. Стюардесса в любом случае должна была ответить на его вызов. Кивнул Фрэнку:

– Пошли.

Парень не повел и глазом. Взялся за ручку двери:

– О'кей.

Они вышли в пустой коридор. Быстро подошли к двери, ведущей к переходному мостику. Здесь, спиной к ним, стояла стюардесса. Услышав, что кто-то остановился у нее за спиной, обернулась. Она была худенькой, точнее, такой, какой

обычно бывают все стюардессы. При этом сразу было видно: она не в себе. Бледная, в глазах растерянность, то и дело кусает губы. Увидев Шутова и Фрэнка, схватилась за голову:

– О, джентльмены... Ради бога, вернитесь в коллектор...

Посадки еще нет...

«Нет, – подумал Шутов, – крутить сейчас не нужно. Надо сразу поставить все на свои места». Показал значок:

– Успокойтесь, сестренка... Мы из полиции...

– Из полиции? Но... – Стюардесса начала нервно покусывать пальцы, один за другим, будто пробуя их на вкус. – Вы в самом деле из полиции?

– Конечно. – Шутов показал удостоверение. – Полиция штата Аляска. Устраивает?

– Да, но... но полиция только что здесь была...

Полиция здесь только что была... Черт... Проклятие, значит, они обошли их и здесь...

Стюардесса смотрела на Шутова во все глаза. Отвечая на ее немой вопрос, он сказал как можно спокойнее:

– Была? Зачем?

– Они... Они сказали, на самолете контрабанда... Схватили одну стюардессу, заперли в туалете. Экипажу велели до их возвращения не двигаться с места... Но если вы полиция, вы должны знать?

– Мы и знаем. – Кажется, ему удалось справиться с собой. – Их было трое?

– Н-нет... Пятеро...

– Стюардессу они заперли в хвостовом туалете, так ведь?

– Да... В хвостовом...

– Стюардессу зовут Стелла?

– Д-да... Стелла...

– Отлично... Фрэнк, побудь-ка здесь вместе с сестренкой... На всякий случай достань свою игрушку, хорошо? С ней ведь легче, если кто попробует выйти, сообразил?

– Сообразил. – Фрэнк коротким движением достал из-под куртки «узи». Достав свой автомат, Шутов мимо стюардессы, превратившейся в столб, двинулся по мостику к входу в самолет. Первый шаг, на площадку, ведущую в бизнес-класс, он сделал практически на корточках. Присев на одно колено, заглянул в салон. Прямо перед ним, серая от страха, стояла стюардесса-мулатка. Увидев его, девушка вскрикнула. Выпрямившись, он быстро схватил стюардессу за руку. Прошипел, приблизившись к ее лицу вплотную:

– Из полиции здесь кто-нибудь остался?

– Из п-полиции? – Она наверняка готова была вот-вот упасть в обморок. – Н-н-нет... Они... все... уехали...

– Стелла все еще заперта в туалете?

– Стелла? – Девушка крупно дрожала, так, будто ей было холодно.

– Да, Стелла. Она все еще в туалете?

– Н-не знаю... Они... не велели... Не велели двигаться...

– Правильно сделали. Стой здесь и не двигайся. Понятно?

– П-п-понятно...

Оставив мулатку, Шутов бросился по проходу в хвостовую часть. В самолете в самом деле никого не было, если не считать еще двух стюардесс, застывших у буфета. Не обращая на них внимания, он проскочил мимо. Остановившись у туалетов в хвосте, взгляделся. Надписи на всех шести кабинах оповещали, что туалеты свободны. Крикнул:

– Стелла? Стелла, это я, Майк. Эй, Стелла, ты здесь?

Никто не отвечал. Оглянувшись, он вдруг увидел нечто, появившееся из-под двери одной из кабин; в следующее мгновение стало ясно, что это медленно ползущая струйка крови. Распахнул дверь.

Стелла сидела на стульчаке, боком к нему, прижавшись головой к дальней стене. В левой стороне груди можно было рассмотреть небольшое пулевое отверстие, почти без следов крови. Кровь, залившая стену за спиной Стеллы и образовавшая небольшую лужицу на полу, вытекла из выходного отверстия под левой лопаткой. Шутов дотронулся до щеки убитой; кожа еще не остыла. На мочках ушей можно было также рассмотреть подтеки крови, уже засохшей, образовавшиеся из-за разорванной кожи – след вырванных из ушей сережек.

Темные глаза Стеллы, смотревшие прямо перед собой, казались стеклянными. Беззвучно выругавшись, Шутов пригнулся. Осторожно прикрыл девушке веки. Оглянувшись, осмотрел салон.

Две стюардессы, выйдя в проход, испуганно наблюдали за

ним со стороны буфета. Обе были белые; обе, пока он шел к ним, подняв «узи» на уровень груди, смотрели не на него, а на ствол. Подойдя, он нарочно не опустил ствол. Спросил тихо:

– Что здесь делала полиция?

– А-а ва... А ва... – Подавив икоту, одна из стюардесс, повыше, с ухоженными светлыми волосами, замолчала. – А-а в-в-вы... В-в-вы...

– Спокойно, сестренка. Спокойно. Успокойтесь обе. Я не сделаю вам ничего плохого. Что здесь делала полиция?

– Они приехали... – Откашлявшись, та, что повыше, вроде бы наконец пришла в себя. – Они приехали вместе со «скорой помощью». В их машине.

– Точно вместе со «скорой помощью»? В этой же машине?

– Точно. Я сама видела. Они вышли из машины вместе с санитарями.

– Через какую дверь они вошли?

– Через заднюю, – стюардесса кивнула, – вот через эту.

– Вошли – и что дальше?

– Пока санитары укладывали Риту... Девочку, которой стало плохо... Копы сразу же схватили Стеллу... Схватили, заломили руки, закрыли рот... И потащили в задний туалет...

– Они ее убили, – неожиданно сказала вторая, темноволосяя, со смуглым оттенком кожи. – Точно убили.

– Почему вы так думаете?

– Что тут думать? – Высокая посмотрела ему в глаза. – Было слышно, как они выстрелили. Потом вышли оттуда и сказали нам, что мы везем контрабанду. И взяли чемодан из буфетной. Из-под стойки.

– Чемодан? – Наверное, в его голосе прозвучало что-то особенное. Иначе бы слово, которое он выкрикнул, не подействовало бы так на стюардесс. Обе смотрели на него не отрываясь.

– Д-да... – наконец сказала высокая. – Чемодан. Они его вынесли на носилках. После Риты. Сказали, в этом чемодане контрабанда.

– Куда они дели чемодан потом? Когда вынесли из самолета?

– В «скорую»... В машину скорой помощи... – сказала высокая.

– Вы точно это видели?

– Точно. Я смотрела в иллюминатор.

– Значит, вы видели, куда поехала «скорая»?

– В иллюминатор всего не увидишь. Но примерно... – Махнула рукой. – Примерно они поехали туда. В ту сторону.

– Вы показываете в сторону летного поля.

– Они туда и поехали. Потом, наверное, свернули.

Лишь сейчас Шутов сообразил наконец, куда могла поехать «скорая помощь». Бросившись к двери, на которую показали стюардессы, распахнул ее. Трапа у двери не было, он стоял чуть в стороне, метрах в двадцати. Но сейчас было не

до трапа. Спрыгнув вниз, упал на бок, чтобы тут же вскочить на ноги и посмотреть туда, куда показывала стюардесса.

Все было в точности так, как он думал. В начале взлетной полосы стоял фургон скорой помощи. В конце же, видимо, только что оторвавшись от земли, медленно поднималась вверх, постепенно теряясь в облаках, двухмоторная «сессна».

Пока он вызывал командос, пока нашел джип, чтобы подъехать к микроавтобусу скорой помощи, конечно же оказавшемуся пустым, – «сессна» исчезла в облаках окончательно. Без следа.

Глава 2

На селекторном аппарате на столе вспыхнул красный глазок. Секретарша нажала кнопку:

– Да, сэр?

– Карин, – раздалось из динамика, – там должен был подойти сержант... Из Чугача. Нед Файле... Он пришел?

– Так точно, сэр. Он давно здесь. Ждет.

Шутов сидел, стараясь никак не реагировать на переговоры по селектору. Кроме секретарши, стройной юной блондинки, в приемной их сейчас было двое: он и немолодой темноволосый сержант полиции. Сержант пришел после него; сейчас, сидя на краешке кресла, он сосредоточенно разглядывал собственную фуражку, которую держал в руках. Судя по смуглой коже и чуть раскосым глазам, в жилах этого полицейского текло немало индейской крови.

– Мистер Файле, вы готовы? – спросила секретарша.

Сержант широко улыбнулся. Встал, четким движением надел фуражку. Незаметно подмигнул Шутову.

– Попроси его... – донесся голос Макнэлли. – Пусть пройдет.

– Хорошо, сэр. – Отключив селектор, секретарша посмотрела на сержанта: – Сейчас. Надеюсь, все будет в порядке.

– Спасибо, мэ. – Сержант исчез за дверью.

Шутов посмотрел на секретаршу. Она виновато улыбну-

лась:

– Мистер Шутов, клянусь, я здесь ни при чем. Я всего лишь подчиненная. Даю честное слово, я каждый день уговаривала шефа принять вас первым. Но... – Она развела руками. – Ради бога, извините.

– Карин, вы здесь ни при чем. Я постою в коридоре, хорошо?

– Конечно. Я тут же позову вас.

Выйдя в коридор, остановился у окна. За крышами, совсем близко, отливала серебром местная река, Чена. Поверхность реки была усеяна лодками и катерами всех возможных моделей. У парапета, застыв над удочками, стояли спиннингисты в разноцветных куртках. Понаблюдав за ними, Шутов снова ощутил то, от чего за эти три дня вроде бы избавился, – приступ холодной ярости. Он уже третий день подряд просиживал по несколько часов, дожидаясь назначенного приема. С ним еще никогда так не поступали. Даже в России, когда он работал в сибирской милиции. С любым, самым высокопоставленным начальником, будь это хоть президент Соединенных Штатов, он никогда бы не допустил подобного унижения. Но сейчас он был бессилён.

На сегодня его вызвали к десяти утра. Сейчас стрелки часов приближались к одиннадцати, тем не менее уверенности, что Крис Макнэлли, начальник фэрбенкской полиции, примет его в обозримом будущем, у него не было. Откуда-то сверху, с высот, которые называются «руководством

полицейской», их операция, которую они считали сверхсекретной, была выдана русской мафии со всеми потрохами. Те, кто увез чемодан, рассчитали их с Байером «на первый-второй» без всякого напряжения, играючи. Теперь же руководство решило отыграться за это на его костях, заставляя просиживать по нескольку часов в приемной Макнэлли.

В управление в Вашингтоне он позвонил в первый же день, как только стало ясно, что «сессна» с чемоданом и всеми, кто их так элементарно приделал, исчезла бесследно. В ответ на его попытку хоть как-то объяснить происшедшее ему сказали: все. От операции он отстраняется без каких-либо объяснений со стороны начальства.

Откомандирование в Фэрбенкс, считавшееся до этого момента временным, становится постоянным. Иными словами, он поступает в полное распоряжение Макнэлли.

Сейчас, в июне, солнце здесь практически не заходило. Правда, его довольно часто закрывали тучи – как это случилось три дня назад, когда «сессна» с чемоданом упорхнула из-под самого их носа. Глядя на Чену, Шутов подумал: скорее всего, эта «сессна» уже в России. Или в Панаме.

Не выдержав, замычал, стиснув зубы. Да господи, он бы выдержал тысячу таких унижений, разве дело в этом? Чтобы подобраться к этому чемодану, они с Байером угробили без малого год жизни, изворачивались, хитрили, придумывали всевозможные уловки. Чего стоило одно только внедрение Стеллы... А все остальное? Ночевки на вентиляционных

решетках в Нью-Йорке, постоянная смена квартир, жизнь, скрытая до такой степени, что иногда для них становилась проблемой даже связь с собственным начальством. Тем не менее они выдержали все это. Выдержали. Вышли на этот проклятый «боинг». При этом еще три дня назад они имели на руках наметки практически всей цепи русской наркомафии, действующей в Соединенных Штатах, Канаде и Латинской Америке.

Теперь же все это рухнуло. Главное, они нарочно не трогали эту цепь, рассчитывая загрести всю шайку сразу после того, как возьмут чемодан. Шутов снова замычал. Проклятие. Они получили все, что хотели. Получили «сессну», унесшую на своем борту все, чего они с таким трудом добились. При этом они еще ухитрились потерять Бартенса и Стеллу.

Единственным, что его несколько утешало, было сознание, что Дик, во всяком случае пока, проколов не допустил. На второй день после случившегося, просматривая одну из фэрбенкских газет, на предпоследней странице он нашел снимок «мертвого» Дика. Сделан снимок был как будто чисто: Дик, так же как и убитый «полицейский», был снят сверху, по грудь. Дик на снимке, в том числе подтеки крови и жуткая рана вместо левого глаза, выглядел вполне реально. Хороша была и подпись, гласившая: «Работник правоохранительных органов Р. Байер, погибший в перестрелке во время инцидента в аэропорту». Люди, отвечающие в ФБР за паблик рилейшнз, дело свое знали: фотография была

помещена только в одной газете, не повторяясь в других. В остальном же все до одной поступающие в местные киоски газеты были заполнены поясными снимками мертвого «полицейского», снятого сверху анфас, а также фотографиями мертвой Стеллы и Кэннон – исчезнувшей стюардессы. Естественно, все без исключения газеты называли Кэннон жертвой киднеппинга, захваченной с целью выкупа. Однако сам он, Шутов, в тысячный раз обдумывая в эти дни все, что произошло в тот злосчастный день, был твердо уверен: Кэннон работала на мафию. Она, причем наверняка не одна, была внедрена в состав экипажа и оказалась умнее Стеллы. И все же в конечном итоге операция провалилась не из-за Кэннон и не из-за тех в экипаже, кто работал на мафию. А из-за того, что нападавшие знали все. До самого последнего их шага. Выдать же все до последней детали мог только кто-то из своих. Полицейский. Причем полицейский, занимающий достаточно высокий пост.

Чемодан с золотом, всех боевиков и стюардессу, которая, теперь он абсолютно в этом уверен, на них работала, увезла «сессна». Силуэт «сессны», поднявшейся со взлетной полосы и скрывшейся у него на глазах, он запомнил во всех деталях. Кроме этого, сразу после исчезновения самолета он опросил всех в аэропорту, кто мог видеть эту «сессну» хоть краем глаза. И хотя ни в одном из документов аэропорта самолет зарегистрирован не был, он теперь знал о нем все. Стоявшая в аэропорту и заранее подготовленная неизвестно

кем машина была «Сессной-310» «Ни-Ар Лэйт», выпущенной ориентировочно в начале восьмидесятых годов. Вес без груза – около трех с половиной тысяч фунтов, с полной нагрузкой – пять с половиной тысяч. Посадочных мест шесть, максимальная скорость 238 миль в час, длина разбега при взлете 1335 футов, раскат при приземлении 640 футов. Для операций вроде той, что была проделана с ним и Байером, – идеальная машина.

Сзади скрипнула дверь. Обернувшись, Шутов увидел улыбающегося сержанта.

– Замечательный человек. – Сержант надел фуражку. – Просто замечательный.

Сержант продолжал смотреть на него. Шутову не оставалось ничего другого, как повторить:

– Замечательный человек?

– Да. Просто отличный. Я имею в виду босса. Мистера Макнэлли. Имейте это в виду. Клянусь, мистер Макнэлли всегда поддержит человека в трудную минуту.

– Да? – неопределенно сказал Шутов.

– Да. Ладно, братишка. Желаю удачи. О'кей?

– О'кей.

Козырнув, сержант ушел. Почти тут же из двери кабинета выглянула секретарша:

– Мистер Шутов, вас ждут. Вы готовы?

– Конечно.

Проводив его до двери кабинета, секретарша сказала

негромко:

– Я рада. Желаю удачи.

Шутов улыбнулся ей и вошел в кабинет.

Глава 3

Крис Макнэлли был из тех людей, которые в сорок пять выглядят намного старше. Его узкое сухое лицо будто еще больше сжимали наверху плотные, практически без седины волосы, в средней части головы эти волосы превращались в редкий пушок.

При виде Шутова Макнэлли улыбнулся, встал и, когда тот подошел к столу, пожал ему руку. Оба уселись. Все еще сохраняя на лице улыбку, а точнее, ее тень, Макнэлли сказал:

– Мистер Шутов... Я должен извиниться... наверное... за то, что заставил вас все эти три дня приходить сюда впустую. Да?

– Не знаю, мистер Макнэлли.

Несколько секунд Макнэлли делал вид, что поправляет лежащие на столе предметы: ручки, папку с делами, перекидной календарь, пачку газет. Наконец, посидев неподвижно, он сказал:

– Но вы тоже должны меня понять. Вы ведь читали... – Взяв верхнюю газету, не спеша развернул ее. Положил на стол так, чтобы Шутов мог видеть первую полосу. – Вы ведь читали вот это?

– Читал. – Шутов сказал это, не глядя на газету.

– И что вы скажете? – спросил Макнэлли.

– Что я могу сказать? Ничего. – Шутов старался не смот-

реть в его сторону.

– Понятно. Ничего. – Макнэлли так же неторопливо сложил газету, положил ее поверх стопки. – Ладно. Ладно, мистер Шутов. Я не хочу вас травмировать дополнительно. Понимаю, вам после случившегося самому несладко, и все же позвольте мне сказать то, что я обо всем этом думаю. Без взаимных обид. Хорошо?

– Пожалуйста.

– О'кей. Когда вы прилетели сюда, к нам в Фэрбенкс, несколько дней назад, начальство спустило нам жесткую инструкцию: помогать вам во всем. И не лезть в ваши дела. Что мы и делали. Хотя... Хотя уверен: многие из моих ребят, отлично знающие обстановку, могли бы вам помочь. Но о'кей, ладно. Приказы начальства, как известно, не обсуждаются. Значит, вы приехали. Отлично. У вас сверхсекретное задание, вы боевые ребята, и все такое. Затем в нашем аэропорту по непонятной причине появляются трупы. Тут же мне звонит высокое начальство и дает понять: со сверхсекретной операцией покончено. С трупами разбирайтесь в обычном порядке. Однако на мой вопрос, будет ли мне предоставлена какая-либо дополнительная информация, касающаяся проводимой в аэропорту операции, мне объясняют: не будет, больше того, мне дают накачку, чтобы ни я, ни мои ребята не лезли не в свое дело и все такое прочее. Хотите, я объясню, что все это значит, простыми словами?

Макнэлли смотрел на него сквозь некий барьер, образо-

ванный сложенными вместе кончиками пальцев двух рук. Улыбнулся:

– Мистер Шутов... Я понимаю, в жизни полицейского всяческих передраг хватает с избытком. Но согласитесь, в данном случае случилось то, что нормальные люди называют «оказаться по уши в дерьме». Вы оказались по уши в дерьме. Но при этом потянули за собой и нас. Меня и всю полицию города. Сейчас по уши в дерьме мы все вместе с вами. Весело, да?

Шутов молчал, потому что обсуждать эту тему с Макнэлли было бы просто глупо. Не дождавшись ответа, Макнэлли вздохнул:

– Ладно. Ладно, мистер Шутов. Понимаю, вам тяжело. Но моя тяжесть, поверьте мне, не меньше. Вы лейтенант полиции, детектив первого класса, и ваш перевод сюда, в Фэрбенкс, – явное понижение. Но извините, вы проиграли, а за поражения надо платить.

Будь оно все проклято, подумал Шутов. Много этот констебль понимает в поражениях. Их выдали, преступно выдали. Причем не исключено, что к этому приложил руку кто-то из людей Макнэлли, если не он сам. Однако Шутов вынужден сейчас сидеть, прикусив язык. Поскольку в общем-то Макнэлли прав. Да, их выдали, но в том, что они завалились, есть и их вина. Поскольку они недостаточно закрылись.

Макнэлли улыбнулся:

– Ладно, мистер Шутов. Ладно. Забудем об этом. Вижу,

вам сейчас действительно несладко. – Взял лежащую перед ним папку. Раскрыл, перелистал несколько страниц. Сказал, усмехнувшись: – Да, мистер Шутов, перестаньте, в конце концов... Перейдем с официальных отношений на обычные, раз уж мы оказались в одной упряжке. А? Вы не против?

– Нет.

– Отлично. Вообще, я вижу, вы неплохой парень. Ладно. О'кей, вот ваше досье, присланное начальством. Родился в России, в Бла... Благоу... ищчен... коу... Ну и названия у вас. Как это читается?

– В Благовещенске.

– Ладно. Ну его к дьяволу, я все равно не смогу произнести. Окончил среднюю, затем высшую школу русской милиции. Работал на золотоносных приисках, контролировал золотодобычу. Все правильно?

– Правильно.

– Далее... Переехал в Соединенные Штаты, получил статус беженца... Работал волонтером в полицейских участках... Затем, получив гражданство США, поступил в Полицейскую академию. Окончил с отличием. Специализация – оперативная работа. Место жительства – Нью-Йорк. Холост. – Макнэлли закрыл папку. Отодвинув ее, сказал: – Значит, так: я для вас – Крис, вы для меня – Майк. О'кей?

– О'кей.

– Отлично. Значит, Майк, выдам маленькую тайну. Как только я понял, что должен вас куда-то определить, я решил

использовать вас по делу. То есть на оперативной работе. Использовать человека с послужным списком вроде вашего где-то еще – расточительство. Но... Но, Майк, поймите: после случившегося я должен подождать. Я посоветовался с Джуно¹ и... И знаете, мы нашли вам отличное место. Просто отличное.

Макнэлли смотрел на Шутова с улыбкой, а точнее, с тенью улыбки. Поскольку это явно означало, что он, Шутов, должен что-то сказать, он сказал:

– Спасибо, мистер Макнэлли.

– Мы же договорились, Майк. Не мистер Макнэлли. Крис. Просто Крис.

– О'кей. – Шутов улыбнулся. – Спасибо, Крис. Просто я еще не привык.

– Вас интересует, какое это место? А, Майк?

– В общем, да. Какое?

– Начальником отделения полиции в Национальном парке. В Минтоукуке. Знаете этот парк?

– Н-нет. Не слышал.

– Неудивительно. Большинство американцев с континента, когда заходит речь о наших парках, знают только Глейзер-Бэй и Денали. В лучшем случае добавляя к этим двум Юкон-Чарли. Парки же вроде Арктик-Гейтс, Ноатак или Минтоукук, не знаю уж почему, считаются недоступными. Люди почему-то вбили себе в голову, что добраться туда тем,

---

¹ Джуно – столица штата Аляска.

кто не живет на Аляске, можно лишь в два летних месяца, да и то с огромным трудом. Они не знают, что Минтоукук – не такое уж недоступное место и не такой уж плохой парк. Там есть чем заняться и зимой, а весной и летом, особенно сейчас, когда тамошние жители делают первые попытки привлечь туристов, там очень даже неплохо.

В глазах Макнэлли, смотревшего на него сквозь все тот же барьер из сложенных вместе пальцев, светился неподдельный энтузиазм. Именно поэтому Шутовым вдруг овладело ощущение полной безнадежности. Так, будто его внезапно опустили в мокрую вату, и не просто мокрую, а чуть тепловатую.

– Думаю, Майк, когда вы жили в Сибири, вы привыкли к холоду? А?

– Ну... в общем. – Шутов попытался представить себя начальником отделения полиции в отдаленном национальном парке – и не смог. – Дело не в холоде.

– Не в холоде? А в чем?

– Не знаю. – Шутов в самом деле не знал, что он может сейчас сказать Макнэлли. – Знаете, мистер Макнэлли... То есть Крис... Это трудно объяснить. Я действительно оперативник. И точно знаю, что я создан совсем для другой работы.

– Майк, я сам прекрасно это понимаю. Но, во-первых, это ведь не навсегда. Во-вторых, очень даже не исключено, что вам там понравится. Вы сам себе хозяин, ни от кого не зави-

сите. В вашем подчинении восемь человек. Сейчас там начальником Джеймс Келли, он отлично справляется. Но ему под пятьдесят. Келли уже намекал, что хотел бы уйти на пенсию. Мне пока удалось его отговорить, но, если он меня вдруг прижмет, сами понимаете, Майк, – деться некуда. Придется отпустить. Ну а тут – вы. То есть все одно к одному. А, Майк?

Мокрая вата, подумал Шутов. Мокрая теплая вата. И ничего больше.

– Не знаю, – сказал Шутов. – Мне кажется, я для этой работы не очень подхожу. Хотя я и повторяюсь, но это так.

– Для какой «этой», Майк? Это обычная полицейская работа. Больше того, на днях... – Макнэлли придал лицу озабоченное выражение. – На днях там произошло нечто вроде крупного ограбления. Ограбили банк.

– Да? – вынужден был сказать Шутов. – Там есть банк?

– В самом Минтоукуке банка, конечно, нет. Но в зону Минтоукука, а значит, и в вашу, входит Дэмпарт. Городок тысячи на две – две с половиной жителей. Там есть отделение «Полар-банка». Так вот, два дня назад туда завезли, как это обычно делается, наличные для обслуживания населения. Пятьсот с небольшим тысяч долларов. Завезли их утром, а вечером они пропали. Вот так.

– Интересно, – сказал Шутов. Хотя ничего интересного в пропаже пятисот тысяч долларов в провинциальном отделении банка он не видел.

– Очень. Правда, думаю, пока вы туда приедете, Келли эти деньги найдет. Раньше делались такие попытки. И все кончались для грабителей неудачей. Что естественно. Там ведь все на виду. – Макнэлли изобразил нечто, что, видимо, считал дружеской гримасой. – Значит, Майк, договорились? Вы берете Минтоукук? Дэмпарт-Сити, зону заповедника и парк? И восемь полицейских в придачу? А?

– Ну... – Шутов помолчал. – А если я откажусь?

– Майк... – Нахмурившись, Макнэлли принялся рассматривать некую, похоже, хорошо им изученную точку на столе. – Давайте не обострять отношения. Вы полицейский офицер. Я, хотите вы того или нет, ваш начальник. В конце концов, я ведь мог ничего этого вам не говорить. Сообщить о назначении, вручить бумаги, и все – до встречи. – Посмотрел на Шутова: – Так или не так?

– Так. – Шутов усмехнулся. – Но есть еще такая вещь, как отставка.

– Майк... – Макнэлли застыл. – Майк, не делайте глупостей. Я понимаю, у вас сейчас не лучший период в жизни. И все же возьмите себя в руки. Отставка не для вас, вы молодой растущий офицер. У вас все впереди. Не делайте глупостей, Майк. Поверьте мне, вы ничего не потеряете, оказавшись на некоторое время в Минтоукуке. Уверяю вас.

Шутов ничего не ответил.

– Ладно, – сказал Макнэлли. – Договоримся так: вы обдумаете все. Остынете. И завтра утром явитесь ко мне за бума-

гами. Чтобы со спокойной душой улететь в Минтоукук. Хорошо?

– Не знаю. – Шутов встал. – Не знаю, хорошо ли это.

– Майк... – Встав, Макнэлли протянул ему руку. Встряхнув ладонь, добавил: – Пока. Вообще вы молодец. Вот увидите, у вас все получится. До завтра.

Глава 4

На стойке перед Шутовым стоял бокал с начатым бурбоном, это был уже третий за сегодняшний вечер. По опыту он знал: и не последний. С тех пор как три дня назад он был отлучен начальством от всякой деятельности, он взял за обычное просиживать здесь, в баре «Тики Коув» на крыше «Поларис-отеля», с открытия до закрытия. Сейчас, в июне, в Фэрбенксе почти всю ночь было светло как днем. Вид, открывавшийся отсюда, с крыши отеля, на реку и город, был действительно волшебным. Но он довольствовался лишь частью этого вида, отражавшегося в зеркале за спиной бармена, индейца в национальной куртке с бахромой по краям. Красоты ландшафта ему заменяли огоньки, вспыхивающие под потолком. Причина его пребывания здесь была проста: бар был единственным местом, где он мог хоть как-то успокоиться.

Особенно важно для него было прийти в себя сейчас, после разговора с Макнэлли. Главное, рядом не было Дика. Дик бы все понял. Понял без лишних слов. Понял бы горечь, которую он сейчас испытывает. Эта горечь, безнадежная и глухая, напомнила ему о Сибири, работе на золотых приисках. Начальником тамошней милиции был капитан Кандыба, редкостный мерзавец. Однажды, во время очередного конфликта, Кандыба сказал ему: «Шутов, завязывай с идейно-

стью. Идеиные у меня не будут работать никогда, понял?» На языке Кандыбы работать «за идею» означало не брать взяток и не покрывать преступления. Когда Шутов понял, что в отделении Кандыбы из идейных он остался один, он тут же смотал в Штаты, единственный раз в жизни дав взятку капитану сухогруза, на котором уплыл.

Огоньки под потолком, вспыхивая в такт музыке, складывались в узор, претендующий на изображение северного сияния. Бар был забит до отказа. Шумевших за своими столиками приезжих можно было легко отличить от местных завсегдатаев, в основном сидевших молча. Здесь было немало путан. За три дня Шутов наметанным взглядом определил: для городишки вроде Фэрбенкса многие из них очень даже ничего. Однако сейчас ему было не до путан.

Вообще, бары и злачные места он не любил. Там, где он провел молодость, на золотых приискаx Чукотки и Колымы, никаких баров не было. Молодым ребятам вроде него, в случае если им нужна была девушка, бар заменяла обыкновенная бутылка. И комната, свободная хотя бы на несколько часов. Он же, Шутов, был в этом отношении в привилегированном положении: кроме собственной однокомнатной квартиры, у него была еще и гитара. Играл он, по собственному убеждению, средне, но виртуоз-музыкант тамошним девушкам, как он вскоре понял, был и не нужен. А поскольку хорошеньких девчонок в тех местах хватало, выбор у него был широчайший. К барам же, и вообще к американским поряд-

кам, его приучил Дик. Особенно в последний год.

Вспомнив о Дике, Шутов выпил бокал одним махом. Что да, то да: всевозможные притоны и бордели были для Дика родной стихией. Он читал их, как некоторые люди читают книгу. Войдя в любой бар, Дик мог по одним только позам проституток и выражению лица бармена рассказать, что здесь только что произошло. Однажды они ухитрились провести ночь в баре в Гарлеме, и никто в эту ночь их там пальцем не тронул. Потом в полицейском участке им объяснили: за всю историю этого бара там не рискнул показаться ни один белый.

– То же самое? – Остановившийся перед Шутовым бармен поднял одну бровь.

Поскольку за эти три вечера они научились отлично понимать друг друга, Шутов вместо ответа коротко моргнул. В следующую секунду бокал был уже наполнен бурбоном точно на том же уровне: не доходя сантиметра до ободка. Взялся было за ножку, чтобы пригубить только что налитое, но его остановил женский голос. Голос был низким, но довольно приятным.

– Я бы тоже очень хотела «то же самое».

Скосив глаза, Шутов встретился взглядом с только что севшей на соседнюю табуретку девушкой лет двадцати. Она была довольно милой. Может быть, даже больше чем милой. Светлая шатенка с темно-голубыми глазами и отличной фигурой. Судя по манерам, а также по откровенно вызываю-

щему мини-платью – типичная «девушка для танцев», хотя раньше здесь Шутов ее не видел.

– Привет. – Девушка улыбнулась. – Я – Хайди. А вы?

Прокол, подумал Шутов. Выговор не местный. Наверняка приехала сюда из Нью-Йорка или, в крайнем случае, из Нью-Джерси. Впрочем, это не важно. Ведь не исключено, что путаны могут приезжать на заработки и оттуда. Девушки такого типа и особенно с таким напором не совсем в его вкусе. Но собственно, а почему бы нет? Работа, настоящая работа, для него практически закончилась. Так почему бы не расслабиться? Девчонка довольно мила.

– Я вам не нравлюсь? – спросила Хайди.

– Вы? Почему же? У вас все в полном порядке.

– Спасибо. Именно поэтому вы не хотите называть свое имя?

– Майк.

– О'кей. В бокале у вас бурбон, я правильно поняла?

– Правильно. – Шутов посмотрел на бармена: – Бурбон для леди, о'кей?

Направив на бармена сжатый кулак, Хайди сказала:

– Только плачу я, запомните.

– Плачу я, – сказал Шутов. – И хватит разговоров на эту тему, ладно?

Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор. Казалось, Хайди пытается понять, насколько сильным может быть его взгляд. Наконец, взяв бокал, сказала:

– Ну вы и персонаж. Никогда таких не видела.

– Какой есть.

– Да уж. Из Нью-Йорка?

– Нет. – Сообщать, откуда он, в данном случае не было никакой необходимости.

– О господи... – Хайди осторожно дотронулась до его руки своей ладонью. Прикосновение было очень приятным, не сухим и не влажным, а как раз таким, как нужно. Кроме того, при этом движении до Шутова донесся еле слышный запах хороших духов. – Представляю, какое я на вас произвожу впечатление. Но я такая, я ничего не могу с собой поделать. Не обижайтесь на меня, ладно?

– Ладно.

– И вот что, Майк... Вот что... давайте поговорим, пока мы еще можем говорить...

– Пока мы еще можем говорить?

– Да... Вы остановились в этом отеле?

– В этом.

– Понятно. – Хайди сделала глубокий глоток. Обняла бокал ладонями так, будто хотела его согреть. – Майк, только честно: вы хотели бы меня еще увидеть?

– Еще? Вы уходите?

– Нет, но... Ответьте: хотели бы или нет?

– Ну... хотел бы. – Шутов еле сдержал усмешку. Хайди сидела, не глядя на него, и, судя по напряженному профилю, была очень серьезна. – Не понимаю только, что происходит.

– А я не понимаю, хотели бы вы меня увидеть или нет.

– Хайди, я же сказал: хотел бы.

– Когда действительно хотят увидеть, так не говорят.

– Господи... Хорошо, Хайди. Я очень бы хотел вас еще увидеть. Очень. Теперь верите?

– Ладно. Верю. – Хайди поставила бокал на стойку. – Все.

Они. В каком номере вы остановились?

– В двести восьмом. Кто «они»?

– Не важно. Майк, умоляю: не связывайтесь с ними. Особенно с Грэггом. Он играет в футбольной команде. В настоящей. Они вас просто расплющат.

– Они – кто?

– Не важно. Просто я с ними приехала. Они воображают, если я позволила им поехать вместе со мной, они могут рассчитывать на что-то большее. Особенно Грэг.

Рассмотреть в зеркале за спиной бармена тех, кого, видимо, имела в виду Хайди, было не так-то просто. Он видел только, что их трое, что это довольно отчаянные ребята, похожи то ли на студентов, то ли на спортсменов из промежуточной лиги. Один из тройки, громила с короткой стрижкой, в полосатой футболке, выделялся особо. Видимо, это и был Грэг. Перехватив взгляд Шутова, Хайди сморщилась так, будто проглотила целый лимон.

– Майк, только не нужно ничего начинать. Получится, что я втравила вас в историю. Не спорьте с ними, умоляю. Слышите, Майк? Не спорьте. Мы встретимся позже, ладно? Я су-

мею отшить его сама. Только умоляю, Майк, честное слово, очень прошу: не встревайте в наш разговор. Сделайте вид, что вы меня не знаете. Хорошо? Майк, ну пожалуйста...

В зеркале было видно, как громила, отделившись от товарищей, медленно двинулся в их сторону. Трое, подумал Шутов. Что ж, бывало, они с Байером, встав спина к спине, отбивались от двенадцати. Правда, сейчас в нем сидит почти бутылка бурбона. Ничего. Он себя знает. Раздражение, накопившееся в нем за эти дни, способно нейтрализовать десяток бутылок.

– Хайди... Вы только не волнуйтесь. Ладно?

– О, Майк... Ну пожалуйста, ну я вас очень прошу...

В этот момент громила, встав между ними, положил руку на стойку. Он стоял спиной к Шутову, явно намеренно отгородив его от Хайди. Что ж, подумал Шутов, одно к одному. Он смотрел на локоть громилы, почти касавшийся его бокала. Вниз, от локтя к кисти, тянулась вытатуированная синим надпись: «I fluently speak rednecks»². Судьба сама посылает ему случай выплеснуть всю накопившуюся в нем ярость. Без всяких предисловий.

– Хайди. – Несмотря на то что громила разговаривал с Хайди шипящим шепотом, Шутов все отлично слышал. – Мы так не договаривались. Ты куда исчезла?

– Слушай, Грэг. – Хайди старалась говорить спокойно, но, похоже, ей это не очень удавалось. – Грэг, не затевай исто-

---

² «Я бегло говорю по-красношеему» (англ.).

рии.

– Я не затеваю. Куда ты делась?

– Я хочу побыть одна. И запомни: я ни с кем ни о чем не договаривалась. Вообще, может быть такой вариант: какое-то время я провожу здесь без вас? Или не может?

– Хайди... Мы приехали вместе и будем вместе.

– Это еще почему?

– Потому что ты не допускаешь мысли, что я могу бояться за тебя.

– Бояться в каком смысле?

Обернувшись и бросив беглый взгляд на Шутова, громила снова повернулся к Хайди:

– Бояться, например, что к тебе могут пристать. Типы вроде этого.

«Пора», – подумал Шутов. Тронул громилу за плечо:

– Молодой человек... Можно вас на минутку?

Громила повернул голову. Обшарив Шутова взглядом, бросил через плечо:

– Хайди, извини. Я на секунду. – Повернулся всем корпусом. – Что надо?

– Я хотел сказать, что вы себя неприлично ведете.

Склонив голову набок, громила сделал вид, что рассматривает Шутова. Захохотал. Резко перестав смеяться, сказал:

– Слушай, мозгляк, заткни пасть. И скажи спасибо, что остался живой. Понял?

– Понял, что большего хама, чем ты, я не видел. Поэтому

я думаю засунуть тебе ухо в рот. Тебе никогда не засовывали ухо в рот?

Громила, думая, что делает это незаметно, чуть отвел назад правую руку. В следующую секунду Шутов осознал: реакция у парня отменная. Выброшенный вперед кулак громилы едва не нашел его челюсть. Но поскольку он ждал удара, мгновений, во время которых кулак летел мимо, хватило, чтобы, во-первых, отклониться, а во-вторых, нанести излюбленный собственный удар, локтем в сплетение, вложив в это движение всю тяжесть тела. Громила, будто стремясь разглядеть на полу нечто ценное, резко согнулся. Пока он стоял покачиваясь, Шутов, сойдя с табуретки, добавил ему прямой в челюсть, после чего громила упал.

Хайди смотрела на него, побледнев как полотно. Шутов успел ей улыбнуться, но ему тут же пришлось стать спиной к стойке, поскольку двое, стоявшие до этого у двери, бросились в его сторону, явно стремясь отомстить за товарища. Первого, бросившегося на него в полусогнутом состоянии, Шутов поймал на противоходе, отклонившись в последний момент. Пока тот, ударившись головой о стойку, гремел где-то сзади, Шутов встретил второго несколькими короткими ударами. Похоже, этот второй был знаком с зачатками бокса – поплыв, он тут же закрылся, чтобы не дать уложить себя сразу. Шутов обернулся, и вовремя: первый, очухавшись, попытался броситься на него с явным намерением захватить за полы куртки, чтобы затем свалить на пол. Поскольку време-

ни терять нельзя было никак, Шутов, увернувшись, провел боковой в ничем не защищенную скулу. Увидев, что парень лежит в глубоком ауте, повернулся к третьему. Тот все еще стоял, закрыв лицо руками и покачиваясь. Реальной опасности парень не представлял точно. Убедившись в этом, Шутов осмотрел зал. Все лица были повернуты к нему. Взглянул в сторону бара. Сидящие за стойкой, в том числе и Хайди, тоже смотрели в его сторону. Бармена за стойкой не было. Обернулся: последний из нападавших, который до этого стоял, теперь сидел на полу. Осмысленности в его глазах Шутов так и не нашел.

Подойдя к Хайди, встретил ее взгляд. В нем читались испуг и растерянность. Улыбнулся:

– Хайди, простите. Вы видели: не я первый начал.

– Майк... Господи... Это вы меня простите. Все это получилось из-за меня...

– Ладно вам, Хайди...

– О господи. – Глаза Хайди застыли, разглядывая что-то за его спиной. – Полицейские... Этого еще не хватало...

– Полицейские?

– Да. Идут сюда.

– Пусть идут.

В следующую секунду, ощутив прикосновение к плечу, Шутов обернулся. Перед ним стояли двое полицейских, судя по дубинкам в руках – патрульных. Оба были молоды, и оба – белые. Взгляд у обоих был враждебным.

– Хелло. – Тот, что был повыше, с тараканьими усами, хлопал дубинкой по ладони. – Это вы подняли здесь шум?

– Шум? Что, здесь был шум?

– Нам сказали, что был. – Полицейский посмотрел Шутову за спину. – Сэм, как?

Обернувшись, Шутов увидел бармена. Встретив его взгляд, бармен процедил:

– Простите. – Добавил, обращаясь к полицейскому: – Я так понял, ребята повздорили из-за девушки.

– А вот это уже зря, – сказал Шутов. – Ни из-за какой девушки никто не спорил.

– Да? – Полицейский переключил внимание на него. – Из-за чего же здесь спорили?

Все в зале, кроме Хайди, давно уже сидели отвернувшись, делая вид, что заняты своими делами. Двое, громила и его приятель, лежали отключенными, третий, бессмысленно разглядывая полицейских, пытался подняться.

– Ни из-за чего, – сказал Шутов. – Я помахал немного руками. Все.

– Помахал руками. – Полицейский скривился. – Интересно. Думаю, вы это сделали зря.

– Может быть.

– Ладно. У вас есть документы?

– С собой нет.

– Вы приезжий?

– Приезжий.

– Где остановились?

– Пока не знаю.

– Откуда приехали?

– О-о-о... – Шутов улыбнулся. – Америка большая.

– О'кей, понятно. Где остановились, не знаете, откуда приехали, не знаете. Хотя как вас зовут, вы знаете?

– Знаю. – Шутов на секунду задержал взгляд на Хайди. – Джон Смит.

– Джон Смит? – Полицейский похлопал дубинкой по ладони, но не как раньше, а намного сильнее. – Ладно, мистер Джон Смит. Оружие есть?

– Не знаю.

– Не знаете?

– Да. Вы ведь полицейский. И имеете представление, как с этим разобраться.

– О'кей. – Полицейский усмехнулся. – Ладно. Тогда быстро лицом к бару. Руки на стойку. Поняли?

– Понял. – Повернувшись, Шутов положил руки на стойку.

– Займись им, Эд, – сказал сзади высокий. – А я посмотрю.

Второй полицейский, начав обыскивать Шутова, особенно не мешкал. Прохлопав ноги, бока, сунул руку под куртку и вытащил кольт. Передал высокому. Изучив пистолет, тот хмыкнул. Сунул кольт в карман. Некоторое время стоял, покачиваясь на носках. Наконец сказал:

– Это ваше оружие?

– Не помню.

– Слушайте, Джон Смит, или как вас там. Не выводите меня из себя. Обещаю, для вас это может кончиться очень плохо. Отвечайте на вопросы прямо. Да или нет. Поняли?

– Понял.

– У вас есть право на ношение оружия?

– Вроде когда-то было.

– Черт... Вы все-таки вывели меня из себя. Повернитесь и руки за голову.

Обернувшись, Шутов положил ладони на затылок. Высокий кивнул:

– Эд, посмотри, есть ли у него документы.

Обыскав Шутова, Эд покачал головой:

– Пусто. Только деньги и ключи.

– Ладно. Ну-ка, мистер, лапы вперед.

Шутов вытянул руки вперед. Высокий защелкнул на его запястьях наручники. Сразу же после этого Хайди, будто очнувшись, бросилась на полицейского. Закричала, барабаня его кулаками по плечу:

– Отпустите его сейчас же! Отпустите! Вы не имеете права! Он здесь ни при чем! Ни при чем! Отпустите, слышите! Отпустите!

– Мисс! – Обхватив Хайди, Эд оттащил ее от коллеги. – Мисс, успокойтесь! Мы сами разберемся! Успокойтесь, мисс!

– Мисс, в самом деле, успокойтесь, – сказал Шутов. – Все будет в порядке, уверяю вас.

Перестав кричать, Хайди посмотрела на него. Выдавила:

– Но...

– Мисс, честное слово, уверяю вас: все будет в порядке. Не портите себе вечер, может быть, мы еще увидимся. – Он улыбнулся.

– Да? – Сделав усилие, Хайди вырвалась из объятий Эда.

В этот момент лежащий на полу громила, придя в себя, сел. Помотал головой. Затем, оглядев полицейских и Шутова, остановил взгляд на Хайди:

– Хайди... Я...

– Идиот... – Разъяренно прошипев это в его сторону, Хайди вышла из бара.

Высокий полицейский, тронув Шутова, сказал:

– Пошли.

Спустившись вместе с Шутовым на лифте, полицейские усадили его в стоящую перед отелем патрульную машину. Эд и усач устроились вместе с ним на заднем сиденье; третий полицейский, сидевший за рулем, спросил, обернувшись:

– К нам?

– Угу. – Усач зло покосился на Шутова: – Ну ты вывел меня из себя.

Машина рванула с места. Минуты три они катили по набережной; затем, резко повернув руль, водитель мягко затормозил у входа в полицейский участок.

Выйдя вместе с двумя полицейскими, Шутов поднялся по ступеням. Участок был типовым: у входа сидел караульный с сонным лицом, дальше, за коротким коридором, в комнате дежурного, скучал за столом немолодой сержант. Увидев вошедших, сержант, будто спохватившись, взял чашку с кофе. Сделал несколько неспешных глотков.

– Пришлось вернуться, – сказал усач. – Вот взяли одного. В «Тики Коув».

– Вижу. – Сержант поставил чашку. – Что там с ним?

Сержанту было под сорок. Он был белым, с широким лицом, стрижкой бобриком, крепкого сложения. Вглядевшись в него, Шутов вспомнил: этот сержант был среди других на инструктаже в городском управлении полиции. За день до начала операции. Похоже, сержант тоже его вспомнил. Или, во всяком случае, пытался вспомнить.

– Да так, – сказал усач. – Полный набор. Дебоширил в «Тики». Уложил троих. Незаконное ношение оружия. Я с ним разберусь, сэр.

– Подожди, подожди. Говоришь, незаконное ношение оружия?

– Так точно.

– Где это оружие?

– У меня.

– Покажи-ка.

Достав из кармана кольт, усач протянул его дежурному. Тот, поставив чашку, взял пистолет. Внимательно осмотрев,

положил на стол. Сказал, предварительно кхекнув:

– Ладно. Сними с него наручники.

– Но, сэр...

– Я сказал: сними наручники.

Помолчав, усач пожал плечами:

– Хорошо. Есть, сэр. – Сняв с Шутова наручники, начал было снова: – Но, сэр...

– Придержи язык. – Сержант посмотрел на Шутова: – Простите, ваше полное имя?

– Майкл Шутов.

– Майкл Шутов. – Сержант, конечно, все уже понял. – Вы можете...

– Он назвал совсем другое имя, – сказал усач. – Он назвался Джоном Смитом.

– Паркинс... – Сержант сморщился так, будто съел что-то горькое. – Паркинс, ты уже год как разводящий. Или нет?

– Так точно, сэр, я должен был предупредить вас, что нам он назвал совсем другое имя.

– Паркинс, ты меня убьешь... Вообще, за что ты задержал этого человека?

– Он поднял шум в «Тики».

– Поднял шум... Что значит «поднял шум»?

– Дрался.

– Ты видел, как он дрался?

– Нет, но это видел Кони.

– Кони?

– Да, Сэм Кони, бармен. Вы его знаете.

– Не помню. Ладно, Паркинс... Причину драки выяснил?

– Нет. – Паркинс снял фуражку. – Не выяснил.

– Прекрасно. Но наручники надел.

– Но, сэр...

– Паркинс, послушай... – Сержант сделал вид, что смотрит за спину Паркинса, туда, где за окном светлела река. – Послушай, ты мог бы между делом поинтересоваться: может быть, этот человек – сотрудник полиции?

– Сотрудник полиции?

– Да. Ты поинтересовался? Или нет?

– Нет. Когда мы с Эдом вошли, там лежало три трупа. В смысле, оглушенные. Три парня, которых он вырубил. Он сам признался.

– О, дьявольщина... – Сержант посидел несколько секунд, опершись лбом о ладонь. – Сам признался... Ладно, Паркинс. Все. Свободен. Садись со своими людьми в машину. И продолжайте службу. Ясно?

– Ясно, сэр. – Паркинс и Эд вышли.

Проследив за ними, сержант бросил беглый взгляд на окно. Посмотрел на Шутова:

– Простите. Молодые ребята.

– Да ладно. В общем-то они действовали как принято.

– Почти. Я вас помню. На всякий случай – пароль для общения с нами?

– Сто тридцать семь.

– О'кей. – Сержант протянул кольт. – Вот ваша пушка.

– Спасибо. – Сунув пистолет в кобуру под мышкой, Шутов усмехнулся.

– Ладно. – Сержант потрогал пальцем висок. – Вы в «Полярисе»?

– В «Полярисе».

– Хотите, вас подвезут? Я дам указание.

– Спасибо. Пройдусь пешком. – Шутов встал. – Счастливо.

– Счастливо.

Выйдя из участка, подошел к реке. Впереди, на серебристой поверхности, на самом фарватере покачивалась лодка с двумя рыбаками. Река казалась неподвижной, течения почти не ощущалось. Несмотря на то что шел только первый час ночи, горизонт вдали был уже готов к восходу солнца – об этом говорил цвет неба, разделенный на три бесконечно длинных пласта: светло-серый, светло-бежевый и светло-голубой. Все это было красиво. Но красоты природы были сейчас не для него. К тому же он вспомнил, что не расплатился с барменом за бурбон. Свой и Хайди.

Глава 5

Когда он поднялся в «Тики Коув», веселье там было в самом разгаре. За столиками стоял шум, в центре танцевали несколько пар. Его появление осталось как будто незамеченным. Правда, когда он сел за стойку, он увидел одного из троих, ввязавшихся с ним в драку, того самого, что сумел удержаться на ногах. Парень сидел с края стойки и, заметив Шутова, сразу же отвернулся. Через минуту парня уже не было. Бармен, подойдя к Шутову, криво усмехнулся:

– Простите, сэр. Инцидент на моей совести.

– Ладно, Сэм. Я не расплатился за бурбон. И не отказался бы еще от бокальчика.

– Секунду. – Поколдовав с бутылкой, бармен поставил перед ним полный бокал. – Та девушка больше не появлялась. К сведению: раньше я ее не видел.

– Спасибо.

– Если она появится, что-нибудь передать?

– Не нужно.

В баре Шутов пробыл еще примерно с час. После чего, расплатившись, спустился на лифте на второй этаж, к своему номеру.

Пройдя шагов двадцать по устланному ворсистым ковром коридору, остановился. В небольшом холле, в кресле, разглядывая видневшуюся за окном реку, сидела Хайди.

Услышав, как он подошел, повернулась. Встала. В ее глазах был вопрос, и он прекрасно понял, что это за вопрос.

Наверное, она прочла что-то в его глазах. Или, может быть, убедила себя, что прочла. Так или иначе, подойдя, она вдруг беспомощно сморщилась и обняла его.

Он стоял, прислушиваясь к ее дыханию. Оно было легким. Сейчас ему казалось, что Хайди, прижавшись щекой к его груди, боится сделать лишнее движение. Обняв ее одной рукой за плечо, он подошел вместе с ней к своему номеру, достав другой рукой ключи, открыл дверь. Впустив Хайди, вошел вслед за ней. Пока он запирает дверь, Хайди стояла посреди номера, обняв руками плечи.

Подойдя к ней, остановился в полушаге, лицом к лицу. Встретив ее взгляд, подумал: нет. Хайди ему не нужна. Ему нужен Байер.

Хайди смотрела на него в упор. Подняв руку к груди, растегнула верхнюю пуговицу на платье. Вторую. Она следила за его лицом. Поняв это, он сказал:

– Хочешь выпить?

– Нет.

– Может быть, кофе?

– Нет. – Кажется, она что-то поняла. Во всяком случае, третью пуговицу она не растегнула.

Все, подумал он. С этим надо завязывать. Подойдя, сказал тихо:

– Хайди, знаешь, может, мы еще встретимся. Но сейчас

ничего не нужно. Ничего. Разойдемся.

– Что? – Она спросила это так, будто думала о чем-то своем.

– Ничего не нужно. Ничего. Понимаешь?

Она смотрела на него все тем же отсутствующим взглядом. Наконец вздохнула:

– О господи... Я даже не думала...

– Хайди... – Сказав это, он сделал шаг вперед. Скривившись, она резко отвернулась. Затем, когда он еще раз сказал: «Хайди...», быстро застегнула обе пуговицы. Подошла к двери. Похоже, она ждала, что он скажет что-то еще. Но, идя вслед за ней к двери, он промолчал.

Так, стоя около двери, они промолчали примерно с полминуты. Наконец Хайди сказала тихо:

– Выпустите меня.

– О'кей. Хайди, вы очень милая девушка, но...

– Замолчите. Ничего не говорите. Просто выпустите меня.

– О'кей. – Открыв дверь, выпустил Хайди. Убедившись, что она ушла, запер дверь. Подойдя к телефону и сняв трубку, подумал: все правильно. Никакая Хайди ему сейчас не нужна. Ему нужен Байер. Только Байер. Байер, и никто больше. Именно поэтому он и набрал нужный ему номер.

Гудки в трубке раздавались довольно долго. Наконец трубку сняли. Хриплый и сонный мужской голос прохрипел, а точнее, еле слышно продышал:

– Да?

– Это звонит Майк, – сказал Шутов.

– Майк? Какой Майк? – Каждый звук голоса, слабого, еле слышного, говорил, что его владелец совершенно не настроен продолжать разговор.

– Вы должны знать обо мне от Дика. Дик должен был сказать вам обо мне.

– Дик?

– Да.

– Постойте. Какой Дик? – Кажется, обладатель голоса наконец проснулся.

– Дик. Ведь ваш номер двадцать пять – сто тринадцать?

– Да... О господи... – Снявший трубку на том конце надолго замолчал. – Вы не могли найти для звонка время получше? Утром хотя бы?

– Нет. Утром я хотел бы встретиться.

– Ладно. – Голос снова помолчал. – У вас есть что мне сказать?

– Есть. Естественно, не по телефону.

– Подождите... Вы говорите, Майк?

– Майк.

– О'кей. Ладно, Майк. Если завтра в десять утра, не поздно?

– Нет. В самый раз.

– Тогда в десять в Броуден-парке. На берегу. Устроит?

– Устроит. – Где находится Броуден-парк, Шутов, конечно, знал, хотя ни разу там не был. – Но ведь Броуден-парк

большой?

– Не беспокойтесь. Подъезжайте к любому месту берега.
Я вас найду.

Глава 6

Место у речного берега оказалось более оживленным, чем сам парк. Пляж был занят загорающими, расположившимися на шезлонгах, надувных матрасах и просто на полотенцах. Несколько пар крутились возле берега на водных велосипедах. Какой-то любитель взял напрокат каноэ. Причем, судя по движениям, в лодку такого типа он сел в первый раз.купающихся видно не было, похоже, вода была холодной даже для того, чтобы зайти в нее на несколько секунд.

Вдоль пляжа тянулся выложенный каменными плитами парапет, огражденный перилами. Парапет был длинным.

Помимо ларька с рыбачьей снастью и наживкой, он увидел два павильона со съестным и спиртным, в которых можно было купить все, от цыплят на гриле до пачки сигарет. Особого скопления народа как у стоек, так и за стоящими у перил столиками Шутов не заметил. В основном здесь сидела, попивая коктейли и пиво, приезжая молодежь. Молодежи, видимо, было все равно, где сидеть за столиками – на юге или на севере.

Пройдя парапет до конца, он не заметил никого, кто хотя бы отдаленно мог напоминать Барри Редворта, резидента ФБР в Фэрбенксе.

Ступени в самом конце парапета вели в сторону пляжа. Спустившись по ним, он остановился возле строения, напо-

минавшего чем-то срубы первых поселенцев. Перед строением по дуге располагались столики и табуретки, изготовленные из необработанных пней. Вывеска над строением сообщала, что здесь подается настоящий турецкий кофе, мороженое и орешки. Площадка была пуста. В глубине строения стоял, неторопливо передвигая что-то у стойки, смуглый и усатый молодой человек. На нем были белые джинсы, белая рубашка и белая бейсболка. Подойдя, Шутов понял, что означают неторопливые движения молодого человека: стоя над наполненным раскаленным песком медным противнем, он ставил туда крохотные медные джезвы с кофе. Коричнево-бежевая пена, подрагивающая над каждой джезвой, напоминала бродящее тесто. Изредка парень передвигал сосуды.

– Привет, – сказал Шутов. – Что, кофе в самом деле турецкий?

– Конечно, сэр. Могу дать попробовать. Разумеется, бесплатно. Обещаю, вы попросите еще. – Юноша улыбнулся. – Вот тогда уже вам придется заплатить.

– Вообще торговля идет?

– Конечно. Просто сейчас утро. Кофе?

– Да. И орешков. Сколько это стоит по прейскуранту?

– По прейскуранту – два бакса.

– О'кей. – Взяв поднос с кофе и орешками, Шутов положил на стойку три доллара. – Надеюсь, не откажетесь? За находчивость?

– Спасибо, сэр. – Спрятав деньги в ящик под стойкой, па-

рень снова улыбнулся. Улыбка у него была хорошей, и он, видно, это знал. – Если вы захотите еще, я вам сделаю арзрумский. Специально для вас.

– Спасибо.

Усевшись за столик у самой воды, Шутов стал неторопливо смаковать кофе. Он сидел спиной к срубам, разглядывая реку и изредка проносящиеся по ней катера. Кофе оказался отличным. Покончив с чашкой, решил было встать, чтобы заказать «арзрумский», но его остановило легкое покашливание. Поднял глаза. Рядом с ним, держа в руке поднос с кофе и орешками, стоял рыжеволосый парень в ковбойке и парусиновых брюках. По виду это был вылитый студент выпускного курса какого-нибудь американского колледжа в Йеле или Гарварде.

– Привет, – сказал парень.

– Привет, – отозвался Шутов.

– Майк?

Внимательно оглядев парня, Шутов понял: молодым этот человек кажется только с виду. На самом деле ему точно под сорок.

– Майк.

– О'кей. – Человек осторожно поставил на пень поднос.

Сел. – Вы должны знать, как меня зовут.

– Мне сказали, вас зовут Барри.

– Правильно. Только вы, в отличие от меня, в невыгодном положении.

– Почему?

– Я видел вашу фотографию. Как вы можете догадаться.

Вы же мою – нет.

– Я верю Дику. Это раз.

– Раз. – Отхлебнув, Редворт посмотрел на Шутова. – А что два?

– Два: если вы знаете Дика, то должны знать также, что люди вроде меня сумеют определить, тот ли вы, за кого себя выдаете. После третьей секунды разговора. О'кей?

– О'кей. Третья секунда разговора прошла. И что?

– То, что я готов с вами разговаривать. – Шутов оглянулся. Молодой человек за стойкой стоял, по-прежнему сосредоточенно передвигая свои джезвы. Новых посетителей на площадке не было. – Думаете, мы можем говорить здесь?

Вместо ответа, Редворт всерьез занялся своим кофе. Прошла, наверное, минута, прежде чем он сказал:

– Понятия не имею. А вы что думаете?

– Не знаю.

– И я не знаю. Смотря о чем вы хотите со мной говорить.

– Я хочу поговорить с вами о том, что произошло.

– О том, что произошло?

– Да. А также о том, что происходит. И будет происходить.

– Произошло с кем?

Редворт смотрел на него как-то странно, то ли с полуулыбкой, то ли с полугримасой.

– Со мной. – Шутов усмехнулся. – Со мной, Барри.

Редворт достал сигареты и зажигалку. Показал пачку Шутову; затем, после того как Шутов покачал головой, щелкнул зажигалкой, закурил. Сказал, затаившись:

– Вы серьезно вызвали меня только для этого?

– Seriously.

– Да? – Редворт посмотрел на реку. – Жаль.

– Почему?

– Потому что вы допустили ошибку. В организацию, к которой я отношусь, люди вроде вас имеют право обращаться, лишь с серьезным сообщением, у вас же, насколько я понял, такого сообщения нет.

– А мне плевать. Плевать, на что я имею право и в какую организацию я обращаюсь. Мне нужен Дик, поняли, Редворт? Один Дик. Я достаточно поработал на эту страну, чтобы иметь право снять трубку, позвонить вам и сказать: мне нужен Дик. Один Дик. И только.

Редворт сидел, сосредоточенно разглядывая реку. Наконец сказал:

– Ладно, Майк. Ладно. Я вас понял. Только не горячитесь.

– Я не горячусь.

– С Диком... как бы вам сказать... некоторые неприятности.

– Неприятности?

– Да. Думаю, вы понимаете, какого рода. Говоря попросту, Дик сгорел.

– Сгорел?

– Да. – Повернувшись, Редворт загасил сигарету, сунув ее в кофейную гущу. – Во всяком случае, пока. Его сняли с оперативной работы, перевели в провинциальное отделение. В Штатах. Может быть, несправедливо.

– Да? – Шутов всмотрелся в Редворта. – Но ведь...

Редворт усмехнулся, как бы давая понять, что понимает все, что ему хотел бы сейчас сказать Шутов.

– Майк... Это общий порядок вещей. После того, что произошло... Ну, вы понимаете. После того, что произошло здесь, по-другому не могло и быть. Боюсь, что вы тоже скоро столкнетесь с тем же самым. С чем столкнулся он.

– Можете не бояться. Уже столкнулся. И знаете что, Барри?

– Что?

– У меня есть большое желание послать к черту все это. Все, понимаете?

Взяв орешек, Редворт кинул его в рот. Прожевав, сказал:

– Очень даже понимаю. Не волнуйтесь, я тоже получил втык. Приличный.

Они посидели молча. Редворт усмехнулся:

– Майк, если хотите знать мое мнение обо всем этом, скажу: история паскудная. Но не спешите с посланием всего и вся к черту. Все равно это ничего не даст. Поверьте мне.

– Ничего – кроме внутреннего удовлетворения.

– Внутреннего удовлетворения это тоже не даст. Поверьте моему опыту.

Понаблюдав за растущими сразу за пляжем кедрами, Шуттов вздохнул:

– Ладно. Барри, можно задать вам пару вопросов?

– Пару вопросов? – Изучающе осмотрев Шутова, Редворт сморщил нос. – Задавайте. Господи, я час не мог заснуть ночью. После вашего звонка.

– Можете на них не отвечать. Если не хотите.

– Майк, задавайте свои вопросы. Я посмотрю.

– Ладно. Самолет не нашли?

– Самолет? – Взяв чашку с торчащим из нее окурком, Редворт внимательно осмотрел оставшуюся гущу. Поставил чашку на место. – Нет. Хотя были задействованы даже армейские радары.

– Ну а что с экипажем? Я имею в виду экипаж «боинга».

– С экипажем? – Прищурившись, Редворт посмотрел на солнце. – Ничего. Больше того, экипаж чувствует себя прекрасно.

– Прекрасно?

– Конечно. Они ведь теперь проходят как пострадавшие.

В результате налета.

– О'кей. – Шуттов встал. – Спасибо, что...

– Что? – Редворт встал вслед за ним.

– Что нашел у вас хотя бы понимание.

– О господи... – Поднявшись по ступеням, ведущим на парапет, Редворт спросил: – Вы сейчас в город?

– В город. В городское управление полиции. – Они мед-

ленно шли рядом. – Собираюсь взять такси.

– Понятно. Я на машине, но, думаю, нам лучше поехать отдельно.

– Я тоже так думаю. С Диком, конечно, у вас никакой связи?

– Никакой. И думаю, вряд ли она скоро появится. Я здесь, на Аляске, он там.

Пройдя несколько павильонов, Редворт остановился:

– Все. Спуск к моей машине. Счастливо, Майк. О'кей?

– О'кей.

Не глядя вслед Редворту, Шутов двинулся дальше. Выйдя из парка, остановил такси – и уже через пять минут входил в городское управление полиции.

Глава 7

В приемной Макнэлли сидели несколько человек, наверняка ожидая приема. Оглядевшись, Шутов сел на свободный стул, но просидел лишь секунду. Секретарша, заметив его, приложила ладони к щекам:

– Мистер Шутов, наконец-то. Куда вы пропали?

– Никуда. Пошел немного прогуляться после завтрака. Нельзя?

– Господи, мистер Шутов... Я прозвонила вам все утро. Ваш вертолет через час.

– Мой вертолет?

– Ну да. Вертолет в Дэмпарт. Он летает через день. Ведь, думаю, вы не хотите просидеть здесь еще сорок восемь часов?

– Нет, но... – Шутов замолчал. – Дэмпарт – это в Минтоукуке?

– Да. Секундочку... – Карин улыбнулась. – Позвоню шефу. – Нажала кнопку. Услышав отзыв Макнэлли, сказала: – Мистер Макнэлли, слава богу, появился мистер Шутов. Да. Здесь, в приемной. Хорошо. – Отключила селектор. Посмотрела на Шутова с совершенно потрясающей улыбкой: – Мистер Шутов, шеф ждет вас.

При виде Шутова Макнэлли, сидящий за своим столом, отодвинул в сторону бумаги. Потер руки, будто давая понять:

его радости от того, что Шутов находится в кабинете, нет предела.

– Наконец-то. Поздравляю, Майк. Ваша кандидатура утверждена всюду. От Вашингтона до Жюно. Вот ваши бумаги, держите. – Протянул запечатанный конверт. Добавил, после того как Шутов, осмотрев конверт, положил его на колени: – Знаете что, Майк: сейчас, пока я коротко введу вас в курс дела, я пошлю человека за вашими вещами. В «Поларис». Иначе вы опоздаете на вертолет. Карин предупредила вас?

– Предупредила.

– Много у вас там вещей? В «Поларисе»?

– Две сумки. Но... – Шутов с трудом подавил желание встать и уйти.

– Да, но?.. – Макнэлли посмотрел на Шутова.

– Нет, ничего. Слушаю вас, Крис.

– Сумки собраны?

– Собраны, если не считать мелочей. Трое бритвенных принадлежностей и халат.

– Ну а... вещи, которые вы можете собрать только сами?

Ясно, Макнэлли имел в виду оружие, микрорацию и прочие приспособления, которыми мог быть снабжен секретный агент вроде Шутова.

– Это со мной.

– Отлично. – Макнэлли нажал кнопку. – Карин, свяжитесь с Вэнсом. Скажите, пусть захватит две сумки мистера Шуто-

ва в «Поларисе». Предупредите, пусть не поленится уложить в одну из сумок мелочи вроде бритвы и халата. Затем пусть заезжает вместе с сумками сюда, чтобы отвезти мистера Шутова в аэропорт. Как только он появится, сообщите мне, хорошо?

– Хорошо, сэр. Все будет сделано.

– Я жду. – Макнэлли отключил селектор. – Значит, Майк: ваше отделение в Минтоукуке по традиции территориально разделяется на две части. Начальник отделения с тремя подчиненными располагается в туристской части заповедника, в Кемп-Крике. Остальные пятеро – в Дэмпарте, в пяти милях от Кемп-Крика. Жить, во всяком случае первое время, вам лучше всего будет в Кемп-Крике. Там, прямо в здании отделения, есть отличная служебная квартира. Раньше ее занимал Келли. Но в последние месяцы, рассчитывая, что вот-вот уйдет на пенсию, Келли практически переехал в свой собственный дом, который построил на полпути между Дэмпартом и Кемп-Криком. Детей у него нет, но есть жена. Естественно, женатый человек лучше себя чувствует в собственном доме, чем в служебной квартире. Ну а для вас лучше, чем эта квартира, и придумать трудно. Как вы считаете?

– Наверное. – Честно говоря, Шутову было все равно. Сейчас, когда он понял, что даже летом до этого Минтоукука можно добраться лишь на вертолете, – какая разница, где он там будет жить?

– Не наверное, а точно. Служба рядом, со снабжением ни-

каких проблем, в вашем распоряжении будет джип. Кроме того, вы всегда можете дать команду ребятам в Дэмпарте, располагающим собственной патрульной машиной. Они вам привезут хоть слона. Хотя вообще-то основным средством передвижения в Минтоукуке, как и в большинстве наших мест, летом служит вода. На этот случай отделение в Минтоукуке располагает двумя мощными катерами последней модели. Катера куплены на выделенные Минтоукуку средства полгода назад. Один катер стоит у вас, в Кемп-Крике, второй – в Дэмпарте. Кроме того, в вашем распоряжении будет вертолет дирекции заповедника. По существующей договоренности вы всегда можете его использовать. Вообще запомните: технически отделение в Минтоукуке оснащено на должном уровне. Как, впрочем, и все остальные отделения. Вообще, Майк, не знаю, как вам, но по мне – работать там одно удовольствие. Тишь да гладь, не то что здесь, в Фэрбенксе. Правда... – Макнэлли почесал за ухом. – Этот дурацкий случай с банком. Но поверьте, это эпизод. Думаю, вы разберетесь, как только окажетесь на месте. Утром я разговаривал с Келли, он обещал оказать вам всемерную помощь. Уверен, совместными усилиями вы в конце концов найдете грабителей. Оттуда, из Минтоукука, им просто не выбраться незамеченными. Уж поверьте мне.

– Сэр, Вэнс с машиной у подъезда, – раздался голос Карин. – Вещи мистера Шутова он взял. Все в порядке.

– Отлично. Не забудьте дать мистеру Шутову билет, о'кей?

– Конечно, сэр. Билет на моем столе.

Глава 8

Вэнс, молодой полицейский, поджидавший его в патрульной машине, сказал, как только Шутовсел рядом с ним:

– Мистер Шутов, все в порядке. Шлепанцы, халат, бритва, одеколон, остальное – все лежит в вашей серой сумке. Можно трогать?

– Давайте.

Выведя машину на шоссе, Вэнс включил полную скорость. Сказал, не глядя на машины, которые он играючи обгонял одну за другой:

– Слышал, вас назначили в Дэмпарт?

– Назначили.

– Я спрашиваю, сэр, потому что сам дэмпартский.

– Да? – Шутов посмотрел на парня. – И как там у вас? В Дэмпарте?

– Сэр, хотите честно?

– Конечно.

– Если честно, сэр, Дэмпарт – тощища.

– Тощища?

– Конечно. Тоска зеленая. Хуже некуда. Весь город можно обойти за пять минут.

– Я слышал, в Минтоукуке собираются развивать туризм.

– Мистер Шутов, скажите: здесь, в Фэрбенксе, вы много видели туристов?

– Ну... Кое-что все-таки есть.

– Кое-что, и все-таки по сравнению с другими местами кот заплакал. Это в Фэрбенксе, а ведь Фэрбенкс по сравнению с Дэмпартом – Париж.

– Так в чем же дело?

– В Дэмпарте, если хотите знать, никакого туризма никогда не будет.

– Почему?

– Дороги... – Вэнс присвистнул. – Сэр, согласитесь, чтобы в какое-то место ездили туристы, туда нужно сделать хотя бы одну дорогу. Более-менее приличную. А в Дэмпарт нет не только приличной, туда вообще нет никакой дороги. Попастись туда можно только по реке или по воздуху – как полетите вы.

– Неужели туда не пробовали проложить дорогу?

– Пробовали. Помню, я еще маленьким был, туда начинали строить дорогу. Несколько раз. Все провалилось.

– Почему?

– Ха... – Вэнс закатил глаза под лоб. – При нашем законодательстве, штата Аляска, чтобы пробить дорогу через горы и тайгу, надо, наверное, быть магом, чтобы не нарушить окружающую среду. Современным же машинам, бульдозерам, скреперам там делать нечего. Штрафами задавят. Помоему, на моей памяти лопнуло пять компаний, строивших дорогу. Все из-за штрафов. Вертолетами же туристы летать не желают. Не знаю уж почему. Боятся, наверное. Раньше вертолетное сообщение в Дэмпарт финансировал штат, а те-

перь отступился. Так что теперь, наверное, легче достать билеты в рай, чем на этот вертолет. Он ведь практически бес-
платный. А если на коммерческих летать, разоришься. Знаете, кто брал вам билеты на этот вертолет?

– Не знаю. Кто?

– Я. Добывать пришлось перед самым вылетом. Пришлось нажать на мэра и отобрать у него резерв. Все, приехали. – Свернув к аэропорту, Вэнс лихо затормозил у входа. – Давайте скорей. Посадка уже идет.

Контрольную раму, после того как Вэнс шепнул что-то на ухо полицейскому, они обошли стороной. Вертолет Шутов увидел сразу, как только они вышли на летное поле: машина стояла метрах в пятидесяти от них, на небольшой стартовой площадке. У спущенного на землю трапа парень в летной форме проверял билеты. В момент, когда Шутов подошел к концу очереди, летчик, проверив билет у старушки в длинной пестрядевой юбке и ситцевой кофте, занялся двумя мощными парнями в одинаковых красных майках и «вареных» джинсах. Если бы Шутова спросили, кто эти парни, он бы не колеблясь сказал: лесорубы. Парней от Шутова отделил старичок в шортах, обвешенный рыболовными снастями, и девушка в сером твидовом пиджаке и такой же юбке, стоявшая прямо перед Шутовым.

Передвинув поставленные Вэнсом на землю сумки ближе к трапу, он мельком взглянул на девушку. Этот первый взгляд ничего ему не сказал, разве что он обратил внимание

на светлые волосы, свободной волной спадающие на спину. Когда же он посмотрел на стоящую к нему вполоборота девушку второй раз, то ощутил внезапно появившуюся сухость во рту. За свою жизнь он повидал немало красивых женщин. Но такой красоты, спокойной, мягкой, по-настоящему русской – он почему-то сразу убедил себя в том, что девушка русская, – не видел никогда.

Линии лица девушки, подбородок, губы, нос были каким-то чудесным образом закруглены, смягчены; мягкими показались ему и глаза, когда девушка, видимо заметив его взгляд, на мгновение покосилась в его сторону. Цвет глаз был удивительным: серые с легкой добавкой зеленого. Посмотрев на него, девушка тут же сделала вид, что произошло это случайно. Поправив висящую на плече спортивную сумку, шагнула вперед, к трапу, что заставило его застыть окончательно, поскольку он тут же смог убедиться, как прекрасно она сложена.

– Мистер Шутов...

Он слышал голос Вэнса, но не обернулся. Лишь когда полицейский дотронулся до его плеча, посмотрел в его сторону. Вэнс улыбнулся:

– Счастливого пути, мистер Шутов.

– Спасибо, Вэнс. Счастливой службы.

– Как-нибудь. Я пойду?

– Конечно.

Пока они переговаривались с Вэнсом, девушка успела пе-

редать билет стоящему у трапа летчику. Затем, взяв билет и сказав по-английски «спасибо», стала подниматься по трапу. Подтянув сумки и отдав свой билет, Шутов покосился в ее сторону: девушка явно ехала одна. Сколько лететь до Минтоукука, он не знал, но наверняка не меньше получаса. Господи, подумал он, как бы повезло, если бы удалось сесть с ней рядом. Тогда он запросто мог бы в полете заговорить с ней. На вид девушке лет девятнадцать- двадцать. По внешнему виду, поведению, вообще по всему, она явно не замужем. И неизвестно еще, может быть, он смог бы в дальнейшем рассчитывать на нечто большее, чем случайный разговор.

Пока он размышлял обо всем этом, девушка исчезла в проеме двери.

– О'кей. – Проверив его билет, летчик крикнул: – Сэм, у меня все! – Посмотрел на Шутова: – Давайте наверх, сэр, вылетаем.

В салоне было четыре ряда для пассажиров, по три места в каждом; два места от третьего отделял проход, ведущий к пилотам. Девушка сидела во втором ряду, у прохода, место же Шутова, единственное, оставшееся сейчас свободным, было в четвертом ряду. Поставив сумки в узкое пространство за своим рядом, он сел на это место.

Пока шел подъем и затем, после того как вертолет лег на курс, Шутов подумал: конечно, в идеале он хотел бы, чтобы его место оказалось рядом с девушкой. Но не так уж плохо и то, что у него есть сейчас. Он сидит сзади, она – чуть впе-

реди. Он хорошо видит ее профиль. И будет видеть его в течение всего полета. Этого ему пока вполне достаточно. Дежурное «спасибо», брошенное ею контролеру, было сказано с характерным местным акцентом. Значит, насчет того, что она русская, он ошибся. Но одно он знает точно: русская она или нет, девушек вроде этой он не встречал еще ни разу.

Примерно через час по работе мотора, а также по оживлению, охватившему пассажиров, он понял: они у места. Река внизу, разрезавшая светло-зеленую с бурыми пятнами лесотундры тайгу, прямо под вертолетом была усеяна россыпью разноцветных домиков. Смотревший в тот же иллюминатор парень в красной майке, поймав его вопросительный взгляд, пояснил коротко: «Дэмпарт». Домики, начавшие по мере снижения вертолета быстро увеличиваться, вскоре оказались совсем рядом. Мягкий толчок показал: они на земле. Вглядевшись в иллюминатор, Шутов понял: площадка, на которой они приземлились, расположена у самой воды. Об этом говорили дебаркадер, служивший пристанью, и длинный мол. На всем протяжении мола вплотную друг к другу были пришвартованы катера и яхты. Чуть поодаль стояли машины с высыпавшими из них людьми, явно встречающими.

– Леди и джентльмены, просьба до остановки винтов никому не выходить, – сказал один из летчиков. – Потерпите, это минута.

Пассажиры, несмотря на предупреждение, начали выхо-

дить почти сразу же. Первыми, попрощавшись с летчиками, бывшими, видимо, их приятелями, вышли парни в красных майках, за ними спустился пожилой рыболов. Пока Шутов, ругая себя за непредусмотрительное размещение сумок, доставал их из-за сидений, салон оказался пустым. Быстро спустившись по трапу, посмотрел в сторону машин. Две, «джип-чероки» и «шевроле», стояли на месте, остальные разъехались. Понадеявшись, что девушка находится именно в одной из этих двух машин, подошел к ним и проклял все на свете, и прежде всего себя, потому что надо быть полным идиотом, чтобы так бездарно упустить человека, на которого ты целый час таранился во время полета. В том же, что он упустил девушку, не было сомнений. «Шевроле» был пуст, сидящий же за рулем «джипа-чероки» человек был в машине один. Некоторое время этот человек, загорелый, с обветренным лицом, наблюдал, как Шутов оглядывается. Наконец сказал:

– Вы мистер Шутов?

– Я мистер Шутов. – Подумав, что, скорее всего, это кто-то из местной полиции, Шутов подошел ближе.

– Очень приятно. Я Келли, бывший начальник местной полиции. Садитесь, мистер Шутов. Меня вы можете называть просто Джеймс.

– Меня – тоже просто Майк. – Поставив сумки у заднего сиденья, Шутов сел рядом с Келли. – Спасибо, что встретили.

– Не стоит разговора. – Дав газу, Келли развернулся. –

Мне показалось, вы кого-то искали?

– Просто осматривался. Как-никак, я в этих местах впервые. – Покосившись, Шутов понял: Келли из тех, у кого и в преклонном возрасте каждая мышца дрожит, как хорошо натянутая пружина.

У бывшего начальника полиции были густые светлые брови и глубоко запавшие голубые глаза. Большой, несколько островатый нос, выделяющиеся скулы и подбородок были иссечены сетью морщин, разрезавших загоревшую кожу так, будто по ней прошлись резцом. Пожалуй, если бы Келли не спросил его, кто он, он смог бы заметить, куда ушла девушка. «Ничего, – подумал Шутов, – девушку я еще найду. Никуда она не денется». Все же на всякий случай спросил:

– Вертолет возвращается в Фэрбенкс сегодня же?

– Завтра утром. Кстати, я полечу на нем, чтобы оформить бумаги. Пробуду в Фэрбенксе несколько дней. Вернусь вертолетом ровно через неделю. Но до завтрашнего утра я вам все покажу. И поселю в Кемп-Крике. Жена постаралась, так что на первое время у вас там будет все. Во всяком случае, на неделю вы будете обеспечены.

– Спасибо. Вертолеты прилетают сюда круглый год?

– Смотря какие. Рейсовые, на котором вы прилетели, только до зимы.

– А потом?

– Бывали раньше на севере?

– Бывал.

– Тогда все сами знаете. С октября каждый полет здесь зависит от погоды. Ветер, обледенение. И прочее. Вертолет может прилететь, а может и нет.

Очень хорошо, подумал Шутов. Завтра надо будет постараться проводить Келли. А заодно и посмотреть, не улетит ли отсюда девушка.

– Я провожу вас завтра, Джеймс. Если вы не против.

Некоторое время Келли никак не реагировал на сказанное.

Наконец усмехнулся:

– Зачем это вам, Майк? Я ведь уже на пенсии.

– Перестаньте. К тому же Макнэлли сказал, что я на первых порах могу рассчитывать на вашу помощь. – Макнэлли ему этого не говорил, но вполне мог сказать. – Ведь это так?

– Конечно, так. Просто я не люблю навязываться.

Они не спеша катили по вымощенной каменными плитами улице, видимо, единственной в городе. Стоящие вокруг дома, в основном одно- и двухэтажные, будто соревновались друг с другом в яркости цветов самых разных оттенков. Многие дома стояли на сваях, нависая над рекой.

– Юкон? – спросил Шутов. – Или приток Юкона?

– Приток. Называется Инна. От Инны по озерам можно выйти к Танане, а потом и к самому Юкону.

Келли улыбнулся:

– Вам здесь будет легко. Вы ведь русский. Я не ошибся?

– Нет. Здесь много русских?

– В Дэмпарте нет семьи, которая бы не считала, что кто-то из ее предков был русским. Раньше ведь Дэмпарт назывался Демино.

– Демино?

– Да. Потом уже поселок превратился в Дэмпарт. Но улица имени его основателя, купца Демина, осталась, и церковь православная осталась. Процентом семьдесят местных жителей – православные. Или считают себя таковыми. Вроде меня.

– Да? – Шутов счел нужным посмотреть на Келли. – Хотя вы Келли?

– Келли я по отцу. Он был ирландцем. По матери же я Глинский. Родился в Ситке. Мама хоть и знала по-русски не больше десяти слов, тем не менее считала себя православной. Естественно, я не считаю нужным отступать от этого правила. – Свернув к одноэтажному дому, сложенному из серого известняка, Келли затормозил. – Наше полицейское отделение. Точнее, теперь уже ваше. Прошу любить и жаловать.

Отделение состояло из приемной, кабинета начальника, комнаты для отдыха дежурных и помещения для временно задержанных. Пожилой полицейский со смуглым оттенком кожи, сидевший за столом в приемной, при их появлении встал. Сделал он это, судя по всему, главным образом из-за Келли.

– Сэр... – начал было он, но Келли махнул рукой:

– Джордж, не тратьте усилий. Сам вижу: в отделении никого нет. Это ваш новый начальник, мистер Шутов. Думаю, вы с ним поладите.

– Рад видеть вас, сэр. – Полицейский улыбнулся. – Меня зовут Джордж Уолтерс.

– О'кей. – Шутов кивнул. – Мою фамилию вы уже слышали, а зовут меня Майк.

– Насчет ограбления банка ничего нового? – спросил Келли.

– Ничего. – Уолтерс сел. – Я звонил в лабораторию. Пока все по-прежнему. Я на телефоне, если что – тут же дам знать.

– Ладно. Как только у них что-то будет, тут же звоните мистеру Шутову в Кемп-Крик. Катер свободен?

– Свободен. О'Лиги и Кроуфорд уехали на машине. Кстати, к банку.

– Сейчас я покажу мистеру Шутову банк. Потом на катере двинемся с ним к Кемп-Крику. Оттуда я вернусь на том же катере. И запомните, Джордж, теперь у вас начальником мистер Шутов. Не я, а мистер Шутов. Со всеми вопросами, делами, просьбами и прочим обращайтесь к нему. О'кей?

– О'кей, сэр. – Уолтерс улыбнулся. – Но привыкнуть, что вас нет, будет нелегко. Уж поверьте.

Глава 9

Выйдя из отделения, Келли достал из-под заднего сиденья джипа сумки Шутова. Пояснил:

– Сядем на катер сразу. К банку удобней подойти по воде.

Они подошли к причалу, у которого был ошвартован полицейский катер. Дощатый настил оказался совсем рядом, метрах в тридцати. Катер, прикрепленный к крюку на причале цепью, представлял собой цельнометаллическое судно метров около четырех в длину с подводными крыльями и прозрачной раздвигающейся рубкой. Положив сумки на дно за сиденьями и дождавшись, пока Шутов спрыгнет с причала, Келли отомкнул замок на цепи. Сказал после того, как они сели за руль:

– Раньше с катерами дело имели?

– Когда-то я работал на приисках, на Индигирке. Там в ходу только катера.

– Индигирка – это в Сибири?

– В Сибири. – Подождав, пока Келли оттолкнется от причала рукой, спросил: – Сколько он дает? Узлов сорок?

– Сорок пять – при хорошем уходе. – Повернув ключ, Келли включил мотор. На малой скорости повел катер вдоль берега. Примерно через минуту кивнул: – Вот наш банк, подойдем к нему с реки. В ту ночь, думаю, именно так подошли к нему грабители. Или грабитель.

– Это случилось ночью? – Шутов всмотрелся в стоящее на сваях здание, ярко-бирюзовое с белыми обводами. К тянущемуся под крышей деревянному транспаранту были привинчены ярко начищенные медные буквы: «Полар-банк. Отделение города Дэмпарта». Со стороны реки под сваями было устроено нечто вроде крохотного причала: сваренная из примитивной железной арматуры решетка, крюк для зачаливания и тянущаяся вертикально вверх металлическая лестница. Лестница выводила на узкий деревянный дек, огибающий все здание и огражденный перилами.

– Ночью. Во всяком случае, мешка с пятьюстами тысячами долларов, который вечером в присутствии охраны и дежурного клерка был помещен в специальный сейф, утром там не оказалось. И никаких следов. Абсолютно никаких. Хотя я с моими молодцами осмотрел место происшествия – тщательней не бывает.

– Ничего не нашли?

– Ничего. Если не считать металлической крошки от просверленного сейфа, которую мы собрали, после того как подмели пол. Хоть крошки дать следствию ничего не могли, я собрал их в колбу, опечатал и спрятал в сейфе. Пусть будут хоть какие-то, но вещдоки. Собрали мы еще и песок.

– Песок?

– Да. С обуви грабителей или грабителя. Песка набралось довольно много. Вы ведь знаете, что такое почвоведческая экспертиза?

– Конечно.

– Ну вот, в тот же день я обзвонил все наши лесничества, попросив собрать образцы местной почвы. И вместе с песком, собранным на полу возле сейфа, отправил в Фэрбенкс. Там есть неплохая лаборатория, при университете. Обещали провести качественный анализ, хотя... Все это курам на смех.

– Вы так считаете?

– Конечно. Ну, определим место, откуда грабитель приплыл в Дэмпарт, – и что дальше? В это место он уже вряд ли сунется. Это же ясно. – Выключив мотор и дождавшись, пока катер ткнется в причал, Келли набросил на крюк цепь. – Зло берет, просто зло берет. Главное, мерзавцы подгадали сделать это перед самым моим выходом на пенсию. Майк, мои слова могут показаться вам смешными, но поверьте, найти эти пятьсот тысяч долларов для меня – дело чести. Понимаете?

– Отлично понимаю. – Вместе с Келли Шутов выбрался на прутья причала. – И ваши слова совсем не кажутся мне смешными.

– Спасибо. Макнэлли сказал, у вас большой опыт оперативной работы. Мы тут, может быть, немного закоснели в своей рутине. Так вот, если вы, как новый человек, сможете увидеть что-то в этой идиотской истории, в полном смысле слова идиотской, то снимете у меня камень с сердца.

После того как они выбрались на верхний дек, Шутов счел

нужным переспросить:

– Идиотской?

– Конечно. Если эти пятьсот тысяч уволок кто-то из местных, он идиот – потому что не может не знать, что рано или поздно мы его засветим. Если же на это решился приезжий – он идиот вдвойне. О приезде, который с такой виртуозностью смог незаметно войти в банк и вскрыть сейф, я бы узнал сразу. Все подозрительные приезжие здесь на учете. Кроме тайги, гор и реки, спрятаться ему просто негде. Выбраться отсюда, если он не алеут или не инуит, практически невозможно. В том же, что это сделал не алеут и не инуит, а именно белый, нет никакого сомнения. Индейцы и эскимосы не грабят банки, это не в их менталитете. Но дело даже не в этом, а в исключительно точном расчете, с которым все было проделано. Расчете, на который способен только европеец. Знакомый к тому же с лучшими на сегодня орудиями взлома и с самой современной техникой. – Подойдя к выходящей на реку массивной двери, Келли постучал по ней костяшками пальцев. – Видите, сколько замков? Все были открыты отмычками.

В двери, дубовые рейки которой были привинчены к металлической основе, Шутов насчитал четыре замка. Причем один, судя по кнопочной системе, был электронным.

– Вижу. Наверняка здесь есть еще и датчик, соединенный с полицией?

– Конечно. Датчик должен был тут же поднять тревогу в

отделении. Но в ту ночь он промолчал. Кто-то отсоединил его. Сделать это мог только человек, хорошо знающий всю систему. Однако ни на кого из своих ребят я подумать не могу. Никак не могу. Им просто не было никакого смысла связываться с этим преступлением. Полицейские здесь получают, как вы знаете, большие деньги, рано уходят на пенсию. Им просто нет никакого смысла идти на криминал: потери будут гораздо большими. К тому же все в нашем отделении знают, что номера банкнотов, присылаемых в «Полар-банк», переписываются. Ну и... – Келли усмехнулся. – Честность тоже играет какую-то роль. Я знаю точно, ребята в моем отделении работают не за страх, а за совесть.

– Неужели у вас тут нет никого, кого можно было бы подозревать? Рецидивистов, бандитов, просто подозрительных элементов?

– Почему, есть. – Келли задумчиво потер пальцами щеку. – Есть. У нас тут около года шатается, стараясь не показываться на глаза полиции, некто Нол Стевенсон по кличке Гусь. Отбыв срок в анкориджской тюрьме, он, по слухам, тут же пришел одного из своих, крупного бандита Рея Балле Гарфельда. Говорят, разрядил в него всю обойму. И, скрываясь от мести людей Гарфельда, слинял к нам. Гусь когда-то жил в этих краях, у него тут полно дружков и есть где скрыться. Но сомневаюсь, чтобы это был Гусь.

– Почему?

– У меня тут неплохая агентура. Я навел справки, под-

тверждающие: в ночь ограбления Гуся видели совсем в другом конце Минтоукука. Милях в трехстах отсюда. Конечно, теоретически Гусь мог раздобыть где-то, скажем, некое летающее средство. Вертолет или самолет. Но, Майк, я хорошо знаю Гуся. Сейчас ему дай бог спасти собственную жизнь, не наводя на себя лишней раз полицию. Тем не менее мои люди занимаются Гусем. И некоторыми другими темными людьми, которые конечно же здесь есть. Вы обо всех них еще услышите, и не раз.

– Понятно. – Шутов еще раз внимательно осмотрел дверь. – Значит, он проник в банк через эту дверь?

– Точно. Проник в банк и очень умело вскрыл сейф, про-
сверлив замок всего в двух местах. Затем, взяв мешок с деньгами, ушел тем же путем, не забыв тщательно запереть на двери все замки. Именно поэтому охранник, дежуривший снаружи, ничего не заметил.

– Здесь дежурит охранник?

– Дежурит. Банк имеет свою службу безопасности, в которую входят начальник службы и три охранника, дежурящие по очереди. Охранника, дежурившего в ту ночь, я хорошо знаю. Зовут его Билл Уиллис, это молодой парень, наш, дэмпартский. Естественно, я допросил его в то же утро. Уиллис показал: в ту ночь он не услышал ни звука. Хотя, как и положено по инструкции, обходил каждые полчаса все здание. По деку. Не верить Уиллису, а тем более подозревать в сговоре с преступниками у меня нет никаких оснований. Он из

хорошей семьи, честность его вне сомнений. Ну и... я ведь тоже кое-чего стою. Уиллис в самом деле не заметил ничего подозрительного в ту ночь. Если бы это было не так, я бы довольно скоро понял это – по его ответам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.